

Кирилл  
**АЗАНЦЕВ**

# ОБОРОТНИ

## В ЗАКОНЕ



**КОМАНДА МЕСТИ**

# Кирилл Казанцев

## Команда мести

### Серия «Оборотни в законе»

*предоставлено правообладателем*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=2524135](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2524135)*

*Кирилл Казанцев «Команда мести», серия «Оборотни в законе»: Эксмо;*

*Москва; 2011*

*ISBN 978-5-699-52646-8*

### **Аннотация**

В небольшом сибирском городке Красногорске произошла трагедия. Прямо на площади перед зданием областного суда наемный убийца в упор застрелил судью Зинаиду Малышеву. Ее сын, крупный бизнесмен Виктор Малышев, клянется отомстить за гибель матери. Он зовет на помощь своего давнего друга Максима Оболенского, некогда служившего в спецназе ГРУ, а ныне майора полиции. Частное расследование наводит на след Тошали Бобошера, брата известного наркодельца, которому Малышева недавно вынесла суровый приговор. Оболенскому ясно, что убийство судьи – дело рук именно Тошали. Однако как достать продажного, но очень влиятельного дельца? И Максим начинает собирать «команду мести»...

# Содержание

Глава 1	4
Глава 2	26
Глава 3	46
Глава 4	64
Глава 5	83
Конец ознакомительного фрагмента.	90

# Кирилл Казанцев

## Команда мести

### Глава 1

Это лето в Красногорске как-то не задалось. Вообще в Сибири лето – понятие условное. То радует тебя солнышком ярким и жарой несусветной, а то вдруг небо хмурится и в самый разгар, в самый пик летних месяцев обрушивает на суетящихся где-то внизу людишек потоки воды... Как сейчас.

Даже не сейчас – дождь шел уже третий день. Не тот, теплый, летний, воспетый поэтами, а нудный, холодный, по-осеннему промозглый. Пришлось обитателям доставать уже отложенные в дальние углы «темнушек» и платяных шкафов зонты и плащи...

На крыльце массивного и немного аляповатого – в духе сталинского ДК – здания областного суда стояли две женщины. Обе уже достигли того возраста, который принято называть «пенсионным». Но в то же время внешне они здорово отличались от обычных красногорских пенсионерок. Никаких потертых и вытянутых кофт, бесформенных шляп и вязаных шапок, разношенных туфель. Яркие плащи, кокетливо повязанные легкие шарфики, пестрые зонты... И все это – явно не с ближайшего «китайского» рынка, дорогое, стиль-

ное, от лучших европейских модных домов. Женщины расправляли зонты, приглядывались, как им пройти до парковки служебного транспорта, минуя многочисленные глубокие лужи, и разговаривали.

– Ну, вот и все, Маша, – говорила одна. – Квартира продана, вещи собраны. Завтра переберусь в гостиницу...

– Могли бы позволить эту недельку и в своем доме пожить, – немного ворчливым тоном отвечала вторая. – Ты им, Зина, считай, подарок сделала! Такую квартиру – да по их цене, не торгуясь...

– Да ладно! – отмахнулась первая. – Не свое – оно и есть не свое. Тем более что мебель я всю уже раздала. В гостинице удобнее будет.

– Председатель-то что сказал? – Мария сделала первый шаг по ступеням вниз. – Когда торжественное?

– В пятницу, – ответила Зинаида, направляясь вслед за приятельницей.

Женщины спустились со ступеней и, осторожно огибая лужи, направились к одиноко стоящей неподалеку белой «Волге».

– Жалко все-таки, что вот так все... – на ходу сказала Мария. – Столько лет...

– Что поделать, – тяжело вздохнула Зинаида. – И самой-то... Но там, в Москве, – сын, внук... – Голос ее изменился, стал таким теплым, мечтательным. – ...Дениска! Со всем ведь большой уже. Сколько же я его не видела? – Зи-

наида встряхнула головой, будто отгоняя от себя что-то, и решительно закончила: – Все, хватит! Навоевалась больше чем надо. Буду обычной бабушкой – воспитывать внука, изводить сына со снохой, сериалы смотреть...

За разговором обе женщины даже не заметили, как откуда-то из-за тополей, окаймляющих площадку перед зданием областного суда, появился человек. В легкой ветровке нараспашку, без головного убора, он шел быстро, не обращая внимания на лужи, только голову втянул в плечи и ссутулился. И траектория его движения неминуемо пересекалась с траекторией движения женщин, примерно на середине расстояния от крыльца до машины.

– Все-таки отчаянная ты, Зина, – продолжала разговор Мария. – Всю жизнь здесь, в этом городе, и – р-раз! В Москву... Не люблю я ее!

– Да я тоже. Мне самой эта Москва... Суетный город, шумный. Но... Не на пустое же место еду. Витя там опять же. – Видимо, исчерпав все аргументы, Зинаида махнула рукой: – Да не трави мне душу, Машка! И так самой погано, а еще ты масла в огонь подливаешь...

В это время сутуловатый неизвестный приблизился к женщинам почти вплотную и, оказавшись у них на дороге, несмело проговорил:

– Извините...

– Что вы хотели? – Тон Зинаиды мгновенно изменился. Теперь ее речь звучала деловито, уверенно, жестко. Так мо-

жет говорить человек, долгое время проходивший в немало-го ранга руководителях.

– Малышева? – все так же неуверенно спросил незнакомец, переводя взгляд с одного женского лица на другое. – Зинаида Григорьевна?...

Зинаида удивленно посмотрела на него. Явно не русский. Вон и говорит с чуть заметным акцентом. Но откуда он, женщина не смогла бы точно сказать. Чем-то похож на кавказца – нос с горбинкой, волосы темные, небольшие усики – обязательный для тамошних мужчин атрибут. Но с тем же успехом незнакомец мог быть и уроженцем горных районов Средней Азии. Кто их там разберет...

Вид незнакомец имел какой-то потертый, зашарпанный. Не бомж вроде, но в то же время к тем, кто самонадеянно причисляет себя к элите общества, никакого отношения явно не имел. Отросшие сверх меры волосы были спутаны и слиплись под дождем в неопрятные пряди. И взгляд какой-то расфокусированный, отсутствующий, и речь невнятная.

– Ну, я Малышева, – ответила Зинаида все в той же тональности. И повторила вопрос: – Что вы хотели?

– Тебе привет... – Рука незнакомца быстро выскользнула из-под куртки, где пряталась до этого, и вытянулась к лицу Малышевой. Точнее, к голове. Мария даже не успела понять, почему эта рука такая длинная, как ударил выстрел, и Зинаида, сделав шаг назад, начала падать прямо в большую лужу, рядом с которой они только что стояли. На лице ее появи-

лась кровь.

Второй выстрел, прозвучавший сразу вслед за первым, ускорил процесс падения. И только когда, неловко подвернув руку, Зинаида Григорьевна упала в холодную грязную воду, Мария наконец-то сообразила, что рядом с ней только что произошло убийство, и громко, истошно закричала.

А незнакомец развернулся и не спеша, спокойно направился в ту сторону, откуда только что пришел.

– Стой, сука! – Из машины выскочил водитель и побежал к незнакомцу. – Стой, тебе говорят!

Уходивший, не останавливаясь и не целясь, с ходу выстрелил – даже не в водителя, просто в его сторону. Разумеется, не попал. Но и этого выстрела вполне хватило для того, чтобы шоферюга как-то сразу перестал ощущать себя Рокки, Рэмбо и Терминатором в одном лице. Прикрыв голову руками, он рухнул там, где стоял, и, вихляя оттопыренным задом, неумело пополз по мокрому асфальту под прикрытие своей машины.

Секунда-другая – и убийца скрылся за тополями, стеной отделяющими площадку перед зданием областного суда от проспекта, носящего имя Фридриха Энгельса.

Примерно в это же время из здания суда выскочили два судебных пристава в черных мундирах. Оба бестолково вертели головами и размахивали пистолетами. Только вот стрелять было не в кого...

Над площадкой разносился надрывный вой Марии, стоя-



щей над телом подруги. Несмотря на немногочисленность городских улиц, вокруг нее постепенно начинала собираться толпа зевак. А куда же без них-то?

Майор милиции – или уже полиции? – Максим Оболенский, старший оперуполномоченный по особо важным делам Управления уголовного розыска УВД области, только что вернулся из командировки. Ну, по крайней мере, так называлась его поездка.

Вообще-то, у офицеров второго отдела управления командировки не были такими уж частыми. Кто в основном в мили... Тьфу! В полиции, конечно же. Так вот, кто в полиции мотается по командировкам? Представители служб и подразделений, непосредственно к борьбе с преступностью не имеющие никакого, даже самого малейшего, отношения. Не имеющие – это так. Зато при этом *знающие*, как и что надлежит делать правильно, чтобы эту самую преступность в кратчайшие сроки одолеть и полностью искоренить. Кадровики, тыловики, массовики-затейники, финансисты в погонах обрушивались на какой-нибудь несчастный райотдел и в течение двух недель выворачивали сейфы. Кадровики изучали правильность оформления приказов и своевременную раздачу выговоров провинившимся, тыловики «копятили» ведомости, выясняя, как часто и в каком объеме новоявленные полицейские получали положенное им вещевое довольствие. А то, знаете ли, бывали случаи просто вопию-

щие... Вон, в Ангинском РОВД старшина не выдал заместителю начальника криминальной полиции положенную ему форменную рубашку, а пустил ее на тряпки во время очередной уборки помещений отдела. Волонтарист! Разве можно так подрывать устои и расшатывать основы?! Ну и что, что с согласия того самого получателя рубаху изорвал? Слава богу, проявил бдительность «зампотыл» Ангинска – вовремя вскрыл нарушение. Старшина за проявленное самоуправство был примерно наказан, стоимость рубашки вычтена из денежного содержания. Ну а то, что один зам – из «криминалки» – набил другому – «зампотылу» – морду во время одной из общеотдельских пьянок... Так это вроде как к делу и не относится...

Массовики-затейники обучали личный состав отделов тонкостям «галантерейного» обхождения с гражданами и танцам. Министр сказал, не подумав, зам – передал «в массы», не сообразив толком, что и зачем, непосредственный исполнитель довел дело до абсурда. Так было и так будет, хоть ты трижды переименуй Систему.

Финансисты рылись кротами в бухгалтерской отчетности...

Короче, весь проверяемый отдел лихорадит две недели, никто не работает – только подносят бесконечные папки с документами проверяющим. У местных «жулико-бандитто» настоящий праздник сердца и ликование души, своего рода отпуск.

В конце все пишут развернутые справки. Да, обнаружены недостатки... В кадровой работе... В деятельности тыловой службы... В овладении танцами... В работе финансового отдела... Недостатков просто не может не быть – иначе, спрашивается, что там две недели делала комиссия, если, извините, ни хрена не накопала? Но теперь, когда недостатки выявлены, установлены сроки для их устранения, а кто попал о наказан на всякий случай, ничего не мешает отделу разобратся с районной преступностью. И в процессе что-нибудь всенепременно удвоить...

Попутно проверяющие собирали своего рода дань. Или ясак. Натурой. Ягода – брусника, черника и прочая таежная, экологически чистая... Рыба – хорошая, деликатесная, безумно дорогая в городе и просто так, сама по себе, живущая в здешних ручьях и реках. Орех кедровый. Ну, мясо и водка – это уж само собой. Без этого никак! Проверяющие брали не стеснясь. Не только себе, но и своему начальнику, и начальнику начальника... А иначе, спрашивается, для чего в эти нудные командировки ехать?

Можно, конечно, и не давать. Но тогда проверяющие сочтут такое отношение к своим высоким персонам оскорбительным. И зачастую проверки под предлогом «оказания практической помощи», а на самом деле с единственной целью – наказать строптивых, указать им их место «по жизни». Ну и что с того, что они теперь «полицай»?... Система уже устоялась, устаканилась, сформировалась в полном объеме,

и ломать ее просто так никто не позволит. Слишком уж много «хороших» людей вокруг нее кормится...

Так вот, как уже говорилось выше, майор полиции Максим Оболенский был офицером второго отдела Управления уголовного розыска области. А второй отдел во всех милицеских управленческих структурах традиционно занимался преступлениями против личности. То есть убийствами, изнасилованиями, причинениями тяжкого вреда здоровью и прочими мордобоями. И ездили сотрудники вторых отделов не для того, чтобы отдохнуть и расслабиться на лоне природы. Ну, или дань собрать... А для того, чтобы помочь райотдельской сыскной братве изобличить особо опасного преступника. На деле помочь, а не ценными и просто бесценными советами и указаниями.

Вот и Максим, три дня проболтавшись в одном из отдаленных районных отделов теперь уже полиции, помог. Два дня общался с подозреваемым в убийстве, сопряженном с изнасилованием, двух малолетних детей. Вроде бы просто сидел и разговаривал, ни о чем таком не спрашивая... А на третий день взял и, глядя прямо в глаза своему собеседнику, выложил все, как было. Со всеми подробностями, которых никто, кроме мерзавца и его жертв, просто знать не мог.

И негодяй, хоть и был трижды судим, хоть и статья ему светила такая, что не жилец он на зоне, о чем прекрасно знал, испугался, растерялся и «поплыл» – начал давать признательные показания. Оставалось их только закрепить. Но

этим могли заняться и местные ребята. А Максим, считая свою миссию исполненной, отправился восвояси.

И вот сидел теперь в кабинете, думал об откровенной глупости и непродуманности так называемых реформ и ждал своего друга и начальника, Игоря Михайлова, который потерялся где-то в запутанных коридорах и переходах управления.

Как говорится, вспомни черта – и он тут как тут. Дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился подполковник Михайлов – начальник второго отдела Управления уголовного розыска. Здоровенный – за два метра – молодой еще мужик, мастер спорта по баскетболу в прошлом, даже на сидячей управленческой работе он сумел сохранить и спортивную фигуру, и легкость движений.

– О, Максим! – то ли обрадовался, то ли удивился Игорь. – Ты когда приехал? – Не дожидаясь ответа, проскочил к встроенному шкафу, вытащил оттуда плащ и начал его надевать.

– Только что... – Максим задумчиво наблюдал за манипуляциями приятеля. Игорь, чертыхаясь вполголоса, никак не мог попасть рукой в рукав. Он торопился и от этого еще больше запутывался. – Что-то случилось, Игорь?

– А что у нас может случиться? – вопросом на вопрос ответил Михайлов. Он наконец-то справился с непослушной одеждой и теперь возился у сейфа. – Все как всегда – убийство...

– Откуда же такой ажиотаж?

Что ни говори, но постоянное «общение» с трупами неминуемо приводит к тому, что оперативники вторых отделов на многое начинают смотреть более практичным и циничным взглядом. Подумаешь, убийство! Вчера вон тоже кого-то убили... И позавчера... И завтра кого-нибудь убьют... Так зачем тогда поднимать шум и суету? Труп – он, знаете ли, уже мертвый. И никуда не убежит. Так что особо спешить некуда. Да и незачем.

– Убили областного федерального судью. – Игорь вытащил из сейфа пистолет и заталкивал его в плечевую кобуру. – Прямо на ступеньках суда. По большому счету, плюнули нам в лицо. Да и не только нам. Смачно так плюнули, со вкусом. Весь город на ушах стоит.

– Ты на место происшествия? – Вопрос, по сути, был глупым. Областной судья – это фигура масштабная. Сейчас там, на месте происшествия, собралось все руководство области. Как полицейское, так и административное. И наверняка прикатили какие-нибудь депутаты – выборы не за горами... Толку от этой толпы никакого. Но и не появиться там нельзя – не поймут, запишут в неблагонадежные. – Я на машине, если хочешь – подкину.

– Это было бы хорошо. – Игорь затолкнул-таки пистолет, застегнул кобуру, повел плечами, позволяя ремням разойтись по плечам и спине. – А то наша машина в Еловку ушла. Подъедет уже туда, к суду.

– Тогда пошли, – поднялся Максим.

...До места происшествия приятели добрались достаточно быстро. Во-первых, несмотря на время, которое принято называть «часом пик», транспорта на улицах было не так уж и много – погода... Во-вторых, и здание областного УВД, и здание областного суда находились на одной улице, только в разных ее концах. Ну, и третье – машина Оболенского. Угольно-черный джип «Рейндж Ровер» с наглухо затонированными стеклами производил впечатление на обывателей. Традиционно на таких машинах ездили «крутые» и подражающие им недалекие чинуши, успевшие где-нибудь чего-нибудь скрасть. И те и другие, подсознательно догадываясь о своей ущербности, стремились если уж и не к великому, то хотя бы просто к большому. Максиму же этот джип достался в наследство после смерти деда-академика. Зачем он понадобился старику, который на нем так ни разу и не выехал, – об этом история умалчивает.

Перед тем как покинуть салон автомобиля, Игорь обернулся к приятелю:

– Ты смотри... Можешь ехать домой – ты ведь еще в командировке.

Игорь прекрасно знал, что не любит Оболенский таких вот шумных и бестолковых сборищ. Начальству-то что – приехали, потолкались, отметились перед камерами тележурналистов, дали всевозможные указания и... уехали, забыв про это дело. А работать, доводить до конца – тем, кто у

камер не «светится» и указания не дает, а как раз их исполняет. И кто вынужден начинать путь к поиску убийцы – иногда очень непростой и извилистый – в такой вот суматошной, нервной обстановке, которая была создана искусственно.

Максим ничего на это не ответил – просто вышел вслед за начальником и другом.

– Ага! Михайлов появился! – Заместитель начальника УВД, стоявший с краю толпы «вип-персон», первым заметил приближающегося начальника второго отдела. – Долго спишь, господин полицейский!

Игорь промолчал, не отреагировал на отпущенную в его адрес шпильку. Помнил незабвенного Козьму Пруткова, в частности, его высказывание о пользе споров с дураками. Просто присоединился к компании руководителей – положено ему с ними толкаться. Статусность обязывала...

Максим же отошел немного в сторону. Наблюдал за тем, как рисуется перед журналистами некий мордастеный депутат:

– Я как профессионал...

Ага. Профессионал. Выпускник военного училища успел какое-то время поработать в полиции, то ли в службе тыла, то ли в паспортно-визовой, после чего пробился в депутаты областной думы. Пробившись, начал всех всему учить. Женщин – рожать детей, пчел – собирать мед, детишек – играть правильно в их детские игры. Ну а ментов, соответственно, – правильно раскрывать преступления. Иной раз нес полную,



жутчайшую ахинею, нисколько этим не смущаясь. Лишь бы – на камеру, лишь бы имя на слуху, лишь бы попасть очередной раз в обойму. Ведь, по большому счету, бывший замполит ничего в этой жизни не умел – только болтать языком и разворачивать походную ленинскую комнату. Так что изо всех сил держался этот подвижный толстячок за свое депутатство, как утопающий за спасательный круг.

– ...Утверждаю, что убийство судьи Малышевой...

Максим встрепнулся, поднял голову. Что *этот* сейчас там сказал?! Подходить и переспрашивать не стал – просто развернулся и направился к тому месту, где лежал труп.

Тело все еще находилось в той же луже. Это в Америке – да и то, если верить их кино, – раз, упаковали труп в красивый пластиковый мешок и увезли. А у нас, в стране суверенной демократии, он будет лежать на самом людном месте несколько часов, пока не прибудет на место следственно-оперативная группа, пока его не сфотографирует криминалист, пока следователь прокуратуры не напишет протокол осмотра места происшествия, пока судмедэксперт не скажет вслух о том, что «пациент скорее мертв, чем жив»...

Оболенский подошел к телу, склонился над ним, отбросил прикрывавшую лицо тряпку. Голова мертвой женщины была в крови, но лицо осталось чистым. Широко открытые глаза немного удивленно глядели куда-то в низкое серое небо.

Майор отшатнулся, даже отступил на шаг. Обернулся к

следователю прокуратуры из района – совсем молоденькой девчонке, недавней выпускнице юрфака:

– Криминалист и медик закончили?

– А вы кто такой, чтобы спрашивать? – окрысилась промокшая, усталая и потому раздраженная девчонка.

– Конь в пальто, – спокойно, не повышая голоса, ответил Максим. – Я спрашиваю – криминалист с медиком закончили?

И было что-то такое в голосе, что девочка не осмелилась ни давать выход своему раздражению, ни даже протестовать. Сглотнула слюну и торопливо проговорила:

– Да, закончили.

– Да что же вы делаете, твари? – удивился Максим и опять развернулся к труп. А дальше началось уже нечто вообще невообразимое...

Стильно одетый оперативник опустился рядом с телом на колени. Прямо в лужу. Осторожно, почти нежно касаясь, взял тело женщины одной рукой под спину, второй – под колени и медленно встал на ноги.

– Что он вытворяет?! – слышался растерянный возглас от толпы «випов».

– Где труповозка? – спросил Оболенский, обращаясь к юной прокурорше.

Трупы вообще тяжело удерживать на руках. Кто попробовал это делать, тот знает. Да и Оболенский не производил внешне впечатления богатыря. Чуть выше среднего роста,

худощавый. Ну разве что запястья значительно шире, чем у среднего человека такой же комплекции. Но кто их видит, эти самые запястья? Поэтому стороннему наблюдателю было бы странно наблюдать, что оперативник удерживал труп на руках с непонятной легкостью.

Правда, и женщина, при жизни производившая впечатление высокой и крепкой, как-то неожиданно оказалась маленькой и худенькой.

По брюкам и куртке Максима стекала ручьем грязная, смешанная с кровью вода, но он не обращал на это внимания.

– Я что, неясно что-то спросил? – Оболенский продолжал обращаться к юной прокурорше. – Труповозка где, курица?!

– Т-там... – Испуганная «курица» махнула рукой куда-то в сторону. Максим, развернувшись, размеренно, как автомат, направился в указанном направлении.

– Да остановите его кто-нибудь! – заорал кто-то из «ви-пов».

Ближе всех оказался почему-то депутат-«профессионал». И именно ему пришла в голову такая блажь – попытаться остановить Оболенского.

– Что вы делаете? – встал он на дороге опера. Мужественное выражение лица, приподнятый подбородок. Депутат не забывал коситься в сторону телекамеры, отслеживающей каждый его жест.

– А если бы тебя вот так? – приостановившись, спросил

Максим. – Несколько часов в грязной луже... Разве же она это заслужила?

– Ну-у... – Депутат на мгновение замялся, но апломб вернулся к нему очень быстро. – Это не вам решать! Есть следователь! В соответствии с законом, именно он... Оуууу!..

Зажимая руками отбитую промежность, депутат скрючился в три погибели, медленно опустился на колени, после плавно перетек на бок. Чуть поерзал и замер в позе эмбриона посредине довольно глубокой лужи. Удара, который нанес Оболенский, никто из окружающих заметить не успел.

А Максим не спеша, но уверенно направился в ту сторону, где стояла труповозка – «уазик»-«таблетка»...

Самолет совершил посадку поздно ночью. Обычный с виду «Як-40», далеко не новый. Впрочем, новых уже и не было... Снят с производства.

Зато внутри... Отделка салона поражала воображение роскошью и комфортом. Фактически самолет представлял собой полностью меблированную летучую квартиру из нескольких комнат. Спальня, кабинет, обширная гостиная, туалет, ванная... Владельцу этого самолета, известному промышленнику и финансисту Виктору Георгиевичу Малышеву, приходилось много перемещаться по стране и по всему свету, вот и пришлось позаботиться о комфорте и удобстве путешествий.

Самолет Малышева освободил ВПП и покатил по рулежным дорожкам куда-то в глубь аэропорта, подальше от зда-

ния аэровокзала. Виктор Георгиевич не хотел встречаться с журналистами, которые, вне всяких сомнений, уже поджидали его на выходе из зала для vip-персон и депутатского зала. А в этой стране желание человека с деньгами – закон. Вот и перегоняли самолет куда подальше, прятали на самой периферии аэродрома.

Сам Малышев – высокий, худощавый мужчина в возрасте, близком к сорока годам, – сидел в кресле, откинувшись на спинку и прикрыв глаза. Казалось, он спал. Однако сидящая рядом с ним красивая женщина, лет на десять моложе Виктора, его жена Вероника, видела, как подрагивают ресницы супруга. Он не спал. Да и не смог бы уснуть при всем своем желании.

Сообщение о смерти матери шокировало Виктора. Нет, все мы, конечно же, смертны, а его мать тем более была женщиной далеко не юной. Но смерть насильственная, от руки, как говорится в полицейских протоколах, «неустановленного преступника»... Это, знаете ли, слишком. Такого Зинаида Григорьевна Малышева не заслужила.

Виктор размышлял, как ему жить дальше. Понятно, что он не покончит жизнь самоубийством и не уйдет в монастырь. Но ему придется все оставшиеся дни провести в ясном и четком осознании того, что в смерти матери виноват он. Только он один, и никто другой. Ее нужно было забирать из Красногорска уже тогда, когда родился Дениска, и она была готова уйти в отставку. Но в какой-то момент именно

он, сын, дал слабину. Побоялся, что, оказавшись рядом, мать начнет ломать привычный образ жизни сына. И не стал настаивать. Забери он ее тогда, прояви больше решительности – и была бы сейчас мать жива. Так что убил ее не неизвестный стрелок – ее убил он сам. Виктор Георгиевич Малышев.

Самолет остановился. Двигатели взвыли в последний раз и затихли. Все. Они на месте.

В наступившей тишине из хвоста самолета, оттуда, где находился трап, донеслись торопливые шаги. Через несколько секунд в гостиную буквально ворвался мужчина лет пятидесяти на вид. Андрей Михайлович Старостин – директор департамента безопасности концерна, собственником и руководителем которого являлся Малышев.

– Ну, что там? – При появлении начальника ДБ в салоне самолета Виктор сразу открыл глаза.

– Все готово, – коротко кивнул Старостин.

Вообще, главный «безопасник» концерна был категорически против того, чтобы его босс и работодатель летел на похороны матери.

– Поймите, Виктор Георгиевич, – убеждал он Малышева, – пока не установлен тот, кто стрелял, вы – в опасности. Убийство вашей матери может быть всего лишь уловкой, «заманухой», чтобы вытянуть вас туда, где наши позиции в области безопасности слабы, где мы не сможем обеспечить вашу личную физическую безопасность в полном объеме...

Говорил-то он вроде как все правильно, вот только Виктор

Георгиевич его слова не воспринимал. Решение принято, он обязательно будет присутствовать на похоронах матери. Он обязан отдать ей последний долг – и точка.

Старостиным прорабатывался и другой вариант.

– Хорошо, – соглашался он с шефом, – вы хотите быть на похоронах. Так давайте похороним вашу маму в Москве! На хорошем кладбище, среди солидных людей...

– Она любила Красногорск... – глухо отвечал Малышев и продолжал готовиться к поездке.

В общем, все, что удалось сделать директору департамента безопасности, это отсрочить вылет Малышева на пару часов. Ну а сам Старостин с командой секьюрити прилетел сюда, в Красногорск, на два часа раньше шефа. Еще в полете договорился о том, где будет проживать Виктор, согласовал меры по обеспечению безопасности, переговорил с людьми, пользующимися немалым весом как в чиновничьей, так и в криминальной среде.

Все эти люди чуть ли не хором утверждали, что Малышеву в Красногорске ничего не угрожает, что местные акулы и волки не имеют к нему каких-то претензий или вопросов. И что если им в руки попадет стрелок, поднявший руку на мать столь уважаемого человека... Этот несчастный будет, в знак доброй воли с принимающей, так сказать, стороны, передан в департамент безопасности концерна Малышева.

Старостин всех выслушивал, со всеми соглашался, всех благодарил и... никому не верил. Поэтому отказался от лю-

бой помощи в организации безопасности Малышева, утверждая, что они в состоянии справиться собственными силами. Он не собирался допускать посторонних людей в святая святых империи.

– Все готово, – доложил он шефу. – Машины ждут у трапа.

Малышев и Вероника не спеша сошли по трапу в хвосте самолета. На земле их уже ждали. Человек шесть из команды, прилетевшей со Старостиным. Не успела нога Виктора Георгиевича коснуться земли, как его самого и жену со всех сторон взяли в плотное, непроницаемое постороннему взгляду кольцо «телки». Так его и довели до машины. Но вместо того, чтобы юркнуть в призывно открытую дверь, Малышев у машины остановился:

– Куда мы едем?

Зная ослиное упрямство шефа в тех вопросах, которые он считал принципиальными, Старостин вынужден был доложить:

– В бывшую резиденцию местных первых секретарей – в «Кедры».

– Вероника, – легонько коснулся руки жены Виктор, – ты поезжай туда, отдохни. А мы с вами, Андрей Михайлович, должны сегодня попасть в морг.

Старостин только тяжело вздохнул. Впрочем, даже если неизвестный враг существует, то вряд ли окажется способен просчитать столь экстравагантный шаг.

– Хорошо, – кивнул он. – В морг – так в морг...



...Утром первые пришедшие на службу сотрудники областного бюро судебно-медицинской экспертизы были поражены невиданной доселе картиной. Помещение морга было заполнено крепкими молодыми людьми весьма характерной наружности. А в холодильнике, рядом с трупом убитой женщины, сидел молодой мужчина. Он просто смотрел на покойницу и держал ее за руку...

## Глава 2

– Слушай, ну какого черта?! – Игорь почти орал, что, кстати, было ему несвойственно.

– Виноват, – ответил Оболенский. Правда, виноватым он никак не выглядел. Не было в его лице заметно и тени раскаяния. Обычное, ставшее уже привычным равнодушное выражение.

После скандала на месте происшествия «важняк» успел съездить домой, переодеться и, несмотря на то, что мог отдохнуть после командировки, вернулся в управление.

Игорь к тому времени уже успел получить свою порцию люлей за поведение подчиненного ему офицера. «Высочка» Михайлов очень многим в управлении не нравился. Не за какие-то конкретные слова, действия, поступки, а, как в том анекдоте, – просто не нравился, и все. Вызывал раздражение. Независимостью, уверенностью в себе, удачливостью в работе, молодостью, здоровьем. Даже рост – и тот являлся раздражающим фактором. Так что желающих «проехаться» по молодому подполковнику нашлось более чем достаточно.

– Короче, так, – отвел взгляд Михайлов. – Мне – выговор. Тебя... Пока идет служебная проверка, отстранить от должности. Имей в виду – будут тянуть на увольнение по дискредитации.

– А чего он такого особенного отчебучил? – делано уди-

вился присутствовавший при разговоре Андрей Лунев, заместитель областного прокурора по следствию, высокий и худой до болезненности мужчина.

– Не включайте дурака, коллега, – раздраженно отмахнулся Игорь. – Вы прекрасно знаете, в чем причина скандала! Наш знаменитейший депутат, любимейшая солдатская мать, рупор, блин, демократии – лежит, знаете ли, в больнице. С отбитыми... Короче, вам по пояс будет. И чем это все закончится – хрен его душу знает!

– А кто его просил лезть не в свое дело? – глядя куда-то в пространство, спросил Оболенский непонятно у кого. – Стоял бы себе смирнехонько в сторонке, бляял бы на камеру, никто бы его и не тронул. Кому он нужен-то?

– Так эти... Что нам по пояс... – Лунев из последних сил сдерживался, чтобы не захохотать в полный голос. – Ему вообще без надобности! Он же больше языком работает. Ему и голову можно отбить – хуже не будет.

– Ладно! – махнул рукой Михайлов. – Вам все хиханьки, а у меня... Короче, Максим, ты можешь ехать домой.

– Игорь, я должен работать по этому делу. – Оболенский говорил уверенно, убежденно. – Ни ты, ни эти... – похлопал он себя по плечу, – никто не отстранит меня от этого.

– Ага, – тяжело вздохнул Игорь. – Бунт на корабле. И что вы мне прикажете с вами делать, господин майор?

– Игорь, ты пойми, для *наших* Зинаида Григорьевна – всего лишь очередной труп, – неожиданно горячо заговорил

Максим. – Один из многих. Для меня же – тетя Зина. Я с Витькой Малышевым в одном классе учился. Отец и мать тогда за границей работали, я у деда жил. Здесь, в Красногорске. Бабушка уже умерла к тому времени, так тетя Зина мне и мать, и бабушку заменила. Да и отца, по большому счету, тоже.

В кабинете Михайлова установилось неловкое молчание. Оболенский никогда не отличался склонностью к словоблудию. Да и в свою личную жизнь старался никого особо не посвящать. Даже Михайлова, с которым они дружили. И то, что он вдруг разговорился, чуть приоткрыл створки раковины, за которыми прятался все это время, уже говорило о многом.

– А почему бы и нет, – первым нарушил затянувшуюся паузу Лунев. – Отстранен – не значит уволен. А нам в этом деле толковый опер, которого по сторонам дергать не будут, очень даже пригодится.

– Но он ведь, получается, лицо, лично заинтересованное в исходе дела, – продолжал сомневаться Михайлов. – И по закону...

– Вот только не говорите мне про закон! – всплеснул руками Лунев. – Вы прекрасно знаете, коллега, как в нашей замечательной стране соблюдаются законы. Пусть не рисует в дело официальных документов – никто и знать не будет о его участии!

– Ладно, Максим, – решительно рубанул ладонью воздух Игорь. – Разрешить тебе работать официально, сам понима-

ешь, я не могу, не мной приказ подписывался. Но и запретить...

– Кто закреплен из следствия? – Оболенский развернулся к Луневу.

– Ну... Возглавлять группу буду я, – ответил Андрей. – Дело громкое, резонансное. Скандальное – не без этого. Непосредственно расследовать будет Даша Шелест.

– Дарья Борисовна? – зачем-то уточнил Оболенский.

– Она самая, – подтвердил Лунев.

– Где она сейчас?

Лунев и Михайлов, не сговариваясь, глянули друг на друга и синхронно, в один голос, хмыкнули.

– Возьми да позвони, – насмешливо сказал Лунев. – Спроси. Номерок дать?

– Обойдусь, – несколько смутился Максим.

– Вот и ладушки, – в той же немного ернической манере продолжил Андрей. – Созвонитесь и договоритесь. Я думаю, что она сейчас в прокуратуре, дело изучает. Так что катитесь вы, господин майор, туда. А мы тут план совместных мероприятий будем набрасывать. Нам его к утру надо на подпись начальству представить.

– Хорошо. – Максим встал и направился к выходу.

– Только ты это, – крикнул вслед Михайлов, – держи нас в курсе своих наработок!

Оболенский, не оборачиваясь, коротко кивнул.

Старший следователь областной прокуратуры Даша Ше-

лест действительно в этот вечер находилась в своем кабинете – изучала наскоро сшитое «районкой» уголовное дело. Попутно делала пометки для себя, какие мероприятия необходимо провести по этому делу в первую очередь.

Дело обещало быть сложным. Не потому, что убийство предельно наглое – бывало и не такое. Жертва. Жертва дерзкого, циничного преступления – человек, традиционно входящий в обойму «неприкасаемых». Происшествие наглядно показало тем, кто всегда считал себя в полной, абсолютной безопасности, что они – такие же, как и все остальные. Что разгул беспредельной преступности в стране в любой момент может коснуться и их. Осознание этого людьми, самоуверенно считающими себя «элитой» общества, вызовет панику. И уже с завтрашнего утра начнутся телефонные звонки...

Может быть, именно поэтому многоопытный и хитрый Лунев отдал это дело именно ей. Не потому, что следователем она была толковым и, несмотря на относительную молодость, опытным. Точнее, не только поэтому. Скорее всего, на любого другого следователя попытались бы давить. Общественным положением, чинами, деньгами... Просто «горлом». А вот «наезжать» на Дашу – это, знаете ли, может и себе дороже выйти. Почему?

Все дело в фамилии. Шелест. Ну, и в отчестве – Борисовна. Казалось бы, чего тут такого? Зря вы так... И фамилия, и отчество недвусмысленно указывали понимающим людям,

что Дарья Борисовна Шелест – единственная и горячо любимая дочь Бориса Игоревича Шелеста, генерал-майора, начальника регионального управления Федеральной службы безопасности. Вот так-то.

Разумеется, любящий папаша, будучи человеком умным, далеко в дела дочери старался не забираться. Но это не значит, что он останется равнодушным, если вдруг какому-нибудь особо отчаянному ухарю придет в голову дикая мысль оказывать давление на следствие по этому делу. Не для того Борис Игоревич дочку растил, чтобы на нее кто попало тут гавкал... Так что Даша была, наверное, единственным человеком в прокуратуре области, кто мог не бояться вмешательства в процесс расследования посторонних личностей, какое бы положение они ни занимали.

Глаз следователя зацепился за какую-то недоработку. Чего-то в этих материалах не хватало. Чего-то такого, что было жизненно важно. Но что именно – Даша пока не могла ответить даже себе. Тяжело вздохнув, она опять открыла первую страницу. Все приходилось начинать сначала...

Послышался негромкий стук в дверь.

– Войдите! – крикнула она, оторвавшись от листов лежавшего перед ней дела.

– Разрешите, Дарья Борисовна? – Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в образовавшуюся щель мог заглянуть нежданный визитер. Даша сразу узнала его, и, кстати, появление этого визитера особой радости молодому следо-

вателю не доставило – она недовольно сморщила носик, тяжело вздохнула, но тем не менее ответила:

– Конечно, Игорь Юрьевич...

В кабинет вошел мужчина. Высокий, стройный, подтянутый, лет тридцати пяти. Брюки и пиджак отглажены, туфли начищены, галстук, умело и со вкусом подобранный, повязан безукоризненно. Этаким мачо местного разлива, очень похожий лицом на молодого Делона. Подполковник Игорь Юрьевич Юрьев, один из подчиненных ее отца. Человек, постоянно оказывающий ей знаки внимания. Цветы, конфеты, томные взгляды и многозначительные намеки... Как секретарше какой-то. Все это в совокупности позволяло Даше считать Юрьева человеком неприятным и прилипчивым.

– Полуночничаете, Дарья Борисовна? – Юрьев прошел к столу, пододвинул поближе стул. – И не страшно вам одной, в пустом здании?

– На вахте – постовой, – мрачно проговорила Даша. – С пистолетом. Он кого попало не пропустит. А вы, простите, какими судьбами к нам?

– Ну как же! – удивился Юрьев. – Такое дело, можно сказать, политическое. Я закреплен вам в помощь от нашего управления.

«Закреплен! – раздраженно подумала Даша. – Напросился, скорее всего, когда узнал, кто назначен из следствия». Но вслух сказала совсем другое, нейтральное:

– Значит, поработаем вместе.



– С вами, Дарья Борисовна, – слегка подался вперед Юрьев, преданно глядя ей в глаза, – все, что угодно! Хоть на край света. Пешком.

– Ну, это уже крайности... – отвернулась Даша.

– Как знать, Дарья Борисовна, – несколько приосанился подполковник. – Знаете, ведь в жизни всякое бывает. И вполне может так случиться...

Что именно может случиться в жизни, Юрьев сказать не успел. Дверь кабинета широко распахнулась, и в него вошел Оболенский.

– Максим! – Помимо собственной воли, Даша потянулась ему навстречу. Заметивший это движение – не только заметивший, но и обративший на него внимание, – Юрьев ожег вновь прибывшего неприязненным взглядом.

– Добрый вечер... – Оперативник встал на пороге. – Надеюсь, я никому не помешал?

– Не говори ерунды! – небрежно отмахнулась Шелест. – Наоборот, очень хорошо, что пришел. Мне твоя помощь понадобится.

И то, что просьба о помощи была адресована не ему, а полицейскому оперативнику, Юрьев тоже отметил. Понимая, что сейчас он оказался в незавидной роли третьего лишнего, подполковник поднялся:

– Ладно... Пойду я. Дела, знаете ли...

– До свидания, – небрежно бросила Даша. А Максим вообще ничего не сказал. Просто посмотрел так, как, наверное,

смотрел бы на раздавленного червяка.

«Скотина волосатая!» – подумал Юрьев об оперативнике, выходя за дверь.

– А этот что тут делает? – поинтересовался Оболенский, дождавшись, пока дверь кабинета за спиной Юрьева закроется. – Чего ему здесь нужно?

– Да вы, господин майор, никак ревнуете? – улыбнулась Даша.

– Ну, не то чтобы... – смутился Максим. – Просто не нравится мне эта слащавая свинья. Есть в нем что-то такое... неприятное...

– Тут ты не одинок, – тяжело вздохнула Даша. – Мне он тоже не нравится. Нудный и надоедливый. И никак не отвяжется...

– Можно поспособствовать... – как бы между прочим заметил Максим.

– Вот как раз этого и не надо, – встрепелась Даша. – Тебе не надоело геройствовать? Что ты там, на месте происшествия, выкинул? Весь город гудит!

Максим, присаживаясь на освобожденное Юрьевым место, лишь плечами пожал – дескать, знать ничего не знаю.

– Давай-давай, рассказывай! – Даша фыркнула. – На тебя, кстати, девочка из района рапорт написала. «Вел себя неадекватно, вмешивался в работу следователя на месте происшествия, оскорблял...»

– Я думаю, она несколько преувеличивает, – осторожно

заметил Оболенский.

– Между прочим, прокурор дал команду возбудить в отношении тебя уголовное дело. По факту покушения на представителя властных структур. Говорят, ты там этого депутата чуть не убил.

– Но не убил же... А остальное – ерунда.

– Ерунда не ерунда, а вот «закрыть» тебя, Максим, могут, – на это вполне серьезно произнесла Даша. – И что тогда мне делать?

– Жить, – развел руками Оболенский. – Просто жить. Так же, как жила до моего появления. Ты мне ничего не должна...

– Дурак! – в сердцах выкрикнула Даша. – Дурак бесчувственный! Как ты можешь!

Она вскочила с места. Несколько секунд смотрела на сидящего Максима, потом резко развернулась и отошла к окну. Понимая, что несколько перегнул палку, Оболенский тоже встал. Обойдя стол, приблизился к Даше сзади, положил ей руки на плечи, приобнял... – Она сначала попыталась стряхнуть его руки, но после нескольких безуспешных попыток успокоилась. А Максим тихо шептал ей, почти касаясь губами ушка:

– Поверь, если я поступил именно так, значит, иначе поступить просто не мог. Не было у меня такой возможности. Есть такие долги, какие мы отдаем всю жизнь. И не стоим за ценой.

– Кто она тебе? – так же тихо спросила Даша.

– Она... – Максим на мгновение задумался. – Просто хороший человек. Очень хороший. А какие она пекла пирожки! Ум-м...

– Ты так хорошо ее знал?

– Я дружил с ее сыном, еще в школе. Прозвучит, конечно, несколько напыщенно, но только ее тепла и заботы хватало нам обоим. Она была душевно щедрым и очень добрым человеком. Знаешь, даже страшно вот так говорить – была...

– И что ты будешь делать? Тебя ведь отстранили...

– Это ровным счетом ничего не меняет, – спокойно ответил Максим. – Не *им* решать, что мне делать, а что не делать.

Юрьев шел по пустому гулкому коридору областной прокуратуры.

Подполковник был недоволен собой, собственным поведением. Что ни говори и как это ни выглядело бы со стороны, он облажался. Не нашел нужных слов, чтобы поставить зарвавшегося мента на место. Спасовал на глазах женщины, которую он... Нет, слово «любил» здесь неуместно. Никаких особо нежных чувств к Даше Юрьев не испытывал. Не самый худший аналитик, он в первую очередь руководствовался целесообразностью.

В конце концов потихонечку приближается к сорокалетнему рубежу, надо бы подумать и о семье, иначе у некоторых коллег начинают возникать сомнения... Даша Шелест –

наиболее интересная и достойная для него партия. Дело не во внешней красоте и в хорошем характере. Хотя, конечно, и это имеет некоторое значение. Но – не главное.

Даша прекрасно образована и воспитана, скромна, что является в какой-то степени гарантией того, что, оказавшись замужем, не пустится во все тяжкие, не будет выставять супруга на посмеище, а наоборот, будет его дополнять. Женитьба на Даше позволила бы ему войти в тот круг, в котором его самого, несмотря на все чины и регалии, никогда не примут как равного.

Да и папаша... Уже почти год по управлению ходили туманные слухи о том, что генерала Шелеста ждет перевод в центральный аппарат службы, в Москву. Юрьев, имеющий некоторые контакты в столице, аккуратно проверил эту информацию. Действительно, у местного генерала в штаб-квартире Федеральной службы безопасности была очень солидная «лапа» – генерал-лейтенант Волгин, начальник одного из ведущих управлений. Поговаривали, что Волгин и Шелест вместе служили еще в Афганистане. И сейчас решался вопрос о переводе Шелеста на должность первого заместителя Волгина.

Так что и с этой стороны у Даши все в полном порядке, не безродная какая-нибудь девка, а из хорошей семьи. И тещушка наверняка мог бы помочь зятю в продвижении по службе. И даже если не поможет прямо... Дочка-то у него одна, и странно сомневаться в том, что он заберет ее с со-

бой в столицу, чтобы поближе была. Ну, а за дочкой – и зятя. Юрьев молод, уже подполковник, послужной список безупречен. В центральном аппарате глядишь – и сам со временем в генералы выйдет.

Поэтому, начиная осаду Дашиного сердца, Юрьев прекрасно знал, чего конкретно хочет. И вроде бы не было никаких предпосылок к тому, что Даша предпочтет ему, блестящему, перспективному старшему офицеру, кого-то другого. Игорь Юрьевич просто не видел такой кандидатуры.

Однако появился этот косматый Оболенский, и все планы пошли прахом. Полицейский оперативник не понравился Юрьеву с первого взгляда. Было в нем что-то такое, чего подполковник никогда не находил в себе. Врожденная, заложенная не одним поколением предков интеллигентность. Юрьев, родившийся и выросший в деревне, попавший в Службу после армии по анкетным данным, много лет старательно изничтожал в себе крестьянина, учился носить костюмы и завязывать галстуки, пользоваться носовым платком и столовыми приборами, поддерживать непринужденный «светский» разговор. Подполковник старательно и трудно растил в себе интеллигента. Оболенскому же не было нужды тратить на это время. Он просто был таким, каким старался стать Юрьев. Разве это не повод относиться к сопернику с неприязнью?

Пользуясь служебным положением, Юрьев просмотрел в кадрах УВД личное дело майора Оболенского. Из военных

в милицию, а потом и в полицию пришел уже капитаном, майора получил в положенные сроки...

Насторожил один момент – специальность, указанная в дипломе о высшем образовании. «Переводчик-референт», значилось в документе об окончании Среднесибирского общевойскового. Юрьев был немало наслышан о том, какими именно «переводами» занимаются выпускники спецфакультета. А в Чечне, где Юрьев был в трехмесячной командировке, довелось и пересекаться с этими самыми «переводчиками», наблюдать их «работу». Общее впечатление – не люди. Звери. Хотя, опять же, в личном общении – милейшие ребята, которых даже после самой ударной дозы спиртного невозможно вывести из себя.

В то же время сам Оболенский в восприятии Юрьева никоим образом не ассоциировался с теми, «чеченскими» знакомцами. Сублильный интеллигент, сноб, высокомерно поглядывающий на этот мир из-за непроницаемых стекол солнцезащитных очков, которые не снимал ни зимой, ни летом.

Так что Юрьев не просто не любил – он тихо ненавидел Оболенского. И, как это ни странно, побаивался. Неизвестное всегда страшит. А этот мент и был из разряда того самого, неизвестного...

Однако подполковник не терял надежды. Глядишь, этот высокомерный космач допустит ошибку... Точнее, уже допустил. Посадят его, как пить дать посадят! В этой стране все прощается только депутатам, а вот сами депутаты – никому.

Разумеется, Даша будет горевать. Какое-то время. Главное – в это время оказаться рядом, подставить плечо, помочь, посочувствовать. А там, глядишь, и все сложится. Только не спешить, не «зажигать», как говорят в том мире, к которому намного ближе Максим Оболенский...

– ...Основные версии происшедшего две. – Даша на ходу рассказывала Максиму о своих наработках по делу. – Первая связана с жилищным вопросом. Зинаида Григорьевна только что оформила сделку по продаже квартиры. И если она не успела получить все деньги... Сам знаешь, как это бывает.

Максим только кивнул в ответ. Знает. Приватизация, в лихорадочном темпе проведенная господами-демократами, породила новые виды преступности. Один из них, получивший наибольшее распространение, – аферы в жилищной сфере. Все просто – забери чужую квартиру и продай. Вот и старались. Причем преступников, действующих в этой области, не останавливали ни возраст, ни социальное положение жертвы. Главное – нажива, а морально-этические нормы... Они остались где-то в дореформенном прошлом.

– ...Вторая версия – месть, – увлеченно продолжала Даша. – Но там все сложнее. Насколько я понимаю, Зинаида Григорьевна в суде проработала не один год и даже не одно десятилетие. Причем имела репутацию судьи жесткого и принципиального. Так что в этой сфере врагов у нее может быть великое множество.

– Думаешь, Мария Ефимовна поможет нам с этим разо-



браться? – спросил Оболенский.

– А кто еще? – Даша даже удивилась. – Они ведь вместе чуть ли не с детства! Судья – и ее секретарь. Дружили... Кому, как не ей, знать?

– Тоже верно, – согласился Максим.

Секретаря Малышевой и единственного очевидца преступления – Марию Ефимовну Лукину – вчера не допросили. И не потому, что девочка из «районки» непрофессионально сработала и упустила этот момент. Происшествие повергло пожилую женщину в шок. Скакнуло давление, прихватило сердце... Лукину увезла реанимационная бригада «Скорой». Разговаривать с ней разрешили только сегодня, да и то в присутствии и под контролем врача.

– Вот! – Максим указал на дверь, украшенную табличкой «Ординаторская». – Нам, наверное, сюда.

Первой вошла Даша. В небольшом кабинете за одним из нескольких столов сидела молодая, вряд ли намного старше следователя, женщина в белом халате.

– Здравствуйте, – обратилась к ней следователь.

– Здравствуйте. – Врач придирчиво осмотрела вошедших, после чего спросила, обращаясь к Даше: – Вы Шелест?

– Да, – ответила девушка и полезла было в карман за удостоверением, но врач остановила ее жестом.

– Не надо... Я и так вижу, откуда вы. – Сегодня Даша надела форму, которая, кстати, была ей очень к лицу. – А... молодой человек?

– Оперативник. Из милиции. То есть из полиции...

Врач только головой покачала. Было заметно, что она изрядно удивлена. Оно и правильно. Обыватель – а врач такой же обыватель, как и представители многих других профессий, – привык к другим ментам. К тем, чьи имена знает вся страна. Дукалис, Соловец, этот... Как его? Мухомор, короче. Вот. Коротко подстриженные, прилично одетые, и лица такие... Одухотворенные... А этот – черные джинсы, черная рубашка, короткая куртка из тончайшей кожи все того же универсального цвета. Легкая, но тем не менее заметная небритость. Солнцезащитные очки с зеркальными стеклами, закрывающие почти половину лица. И – длинные волосы, собранные на затылке в «конский хвост». Рокер не рокер, панк не панк... Но на мента никак не тянет. На полицейского – тем более.

Однако вслух врач свои сомнения в отношении личности Оболенского высказывать не стала. Ограничилась нейтральным:

– А его присутствие обязательно? – И коротко кивнула, принимая уверенное Дашино «да!». – Вот халаты, набросьте... – И, пока они облачались в халаты, начала инструктировать: – Постарайтесь недолго. И избегайте острых вопросов. Она до сих пор в стрессовом состоянии. Если я увижу, что ей стало хуже, ваш допрос будет немедленно прекращен.

Следуя за врачом, прошли в палату. Там стояли две койки, но одна, у окна, пустовала, а на второй, ближе к двери,

лежала Мария Ефимовна.

– Здравствуйте, Мария Ефимовна, – поздоровалась Даша. – Я старший следователь областной прокуратуры Дарья Шелест. Мне необходимо задать вам несколько вопросов...

В глазах пожилой женщины заметался страх. Она беспокойно закрутила головой, жалобно глядя на врача. Та молча стояла в стороне.

– ...Вы работали с Зинаидой Григорьевной Малышевой. Даже дружили. Скажите...

– Зина! – Глаза женщины наполнились слезами, губы задрожали. – Господи, Зина! Кровь!..

– Всё! – шагнула вперед врач. – Я запрещаю!

– Молчать! – резко приказал Максим.

Врач от неожиданности тут же замолчала. А Оболенский шагнул вперед, взял ладонь Марии Ефимовны в свои руки, осторожно, почти ласково разогнул судорожно сжавшиеся пальцы.

– Успокойтесь... Все в прошлом... Вам ничего не грозит... – Он говорил простые, обыденные слова, практически ничего не значащие. Но вот тембр голоса... Слова проносились ровно, размеренно, в определенном ритме. В какой-то момент и врач, и Даша с удивлением обнаружили, что им легко и спокойно, что они полностью уверены в своей безопасности, что все житейские проблемы отошли куда-то на задний план и кажутся несущественными... Да и больная успокоилась, расслабилась, чуть прикрыла глаза. Мак-

сим, продолжая что-то монотонно говорить и поглаживать ладонь женщины, чуть толкнул своим коленом Дашу:

– Спрашивай...

...Когда все закончилось, врач, которая за все время так и не представилась, придерживала в коридоре Максима за рукав.

– Вы медик?

– Не совсем, – честно ответил Оболенский. – Я полицейский.

– А откуда тогда?... – Врач не закончила фразы. Однако Максим прекрасно понял, что она хотела спросить.

– Ничего особенного. Человек пережил сильнейший стресс. И организм его сейчас нуждается не столько в лекарственных препаратах, сколько в простом человеческом участии. Вот и всё.

– Ну-ну... – недоверчиво пробормотала врач, но только с вопросами больше не лезла. Хотя все то время, что Максим и Даша переодевались, с сомнением косилась в сторону оперативника.

Уже в лифте Даша, благо они оказались там вдвоем, зажала Максима в угол:

– Оболенский, признавайся – кто ты?

– Человек, – ответил Максим. – Обычный человек. Может быть, не самый лучший на этой земле.

– Чем больше я тебя узнаю, – задумчиво произнесла она, – тем больше мне начинает казаться, что от обычного человека в тебе не очень-то и много.

– Ладно, уговорила. Только смотри, чтобы никому! – решительно сказал Максим, чуть понизив голос. – Я...

Даша даже дыхание затаила, только кивнула, соглашаясь хранить тайну.

– ...Черт! У-у-у! – Завывая, Оболенский изобразил пальцами рога.

– Ты – идиот! – обиженно надув губы, огрызнулась девушка. – Причем конченный...

## Глава 3

Две машины – «Волга» и тентованный «УАЗ» – с визгом тормозов остановились возле крыльца офисного здания. С переднего пассажирского сиденья «Волги» выбрался здоровенный, за два метра ростом, молодой мужик. Хороший костюм, галстук со слегка распушенным узлом. Мужчина огляделся по сторонам, повел шеей – для таких, как он, нужен скорее «КамАЗ» – некомфортно им в произведениях отечественного автопрома.

Из «уазика» и с заднего сиденья «Волги» горохом посыпались пассажиры. Тоже мужчины, тоже молодые, только, в отличие от первого, одеты они были более просто. Джинсы, майки... И обязательные ветровки или легкие курточки. По большому счету, эти молодые люди были похожи на матерых, опытных уголовников – короткие стрижки, настороженные глаза, скупые, но точные движения.

– Пошли! – Высокий, окинув взглядом свое воинство, взмахнул рукой и первым вступил на крыльцо здания. Остальные быстрым шагом двигались за ним.

Навстречу этой странной и пестрой компании метнулся охранник:

– Одну минуточку! Вы к кому?

– Полиция! – Высокий взмахнул неизвестно как оказавшимся в его руке удостоверением. – Управление уголовно-

го розыска, подполковник Михайлов! На каком этаже сидят риелторы?

– А вы по какому вопросу? – попытался надуть щеки «страж капиталистической собственности».

Михайлов сверху вниз посмотрел на него так, как, наверное, смотрел бы на дохлую мышь, после чего спросил:

– На сутки хочешь?

– Н-нет... – ответил растерявшийся охранник.

– Тогда отвечай на вопросы и не умничай. Где риелторы?

– Второй этаж, направо...

– Пошли, пацаны! – Михайлов широченными шагами двинулся к лестнице.

В коридоре второго этажа повернул направо, подошел к двери, на которой красовалась табличка «Горнедвижимость». Ухмыльнувшись, распахнул без стука эту дверь и шагнул вперед.

В большом кабинете как раз в этот момент, видимо, проводилось совещание – больно много было народа. Шустрые молодые люди и не менее шустрые девицы с почтением внимали сидящему в центре мужчине, еще молодому, лет тридцати пяти, но уже тучному. При появлении Михайлова он замолчал и выжидательно уставился на нежданного гостя. Впрочем, подполковника это нисколько не смутило.

– Так вот как в наши дни выглядит притон разбойников! – радостно осклабился Михайлов. – Никогда бы не подумал.

В полной тишине он прошел к столу главного и огляделся

по сторонам в поисках свободного стула. Не обнаружив такого в пределах досягаемости, кивнул одному из сотрудников, что сидел ближе всех:

– Ну-ка, мальчик, соскочил.

Растерянный «мальчик» послушно освободил стул. Подполковник взял его и, развернув спинкой к залу, поставил рядом со столом главного. Усевшись на стул верхом, сложил руки на спинке и с нескрываемым интересом начал осматриваться.

Сопровождающие подполковника ребята тоже, один за другим, проходили в кабинет. Кто-то оставался у двери, кто-то подходил к открытым окнам.

– Что вы себе позволяете?! – возмутился наконец-то опомнившийся тучный.

– Заткнись, – не поворачивая головы, посоветовал ему Михайлов. Старший подавился готовыми уже вырваться словами, а начальник убойного отдела ткнул пальцем в сторону красочного рекламного плаката «Горнедвижимость – у нас без проблем!» и заявил: – Вранье! Проблемы у вас уже есть.

– Да кто вы такой?! – отчаянно выкрикнул тучный.

– Полиция. – В руках Игоря опять мелькнула красная книжечка. – Подполковник Михайлов.

– По какому поводу вы позволяете... – Тучный начал багроветь.

– Тебе же сказали – заткнись, – напомнил Игорь. И, при-



стально глядя в аудиторию, спросил: – Я хочу знать, кто проводил сделку с Зинаидой Григорьевной Малышевой.

Один из молодых людей попытался съежиться на стуле и опустил голову, пряча откровенно испуганный взгляд.

– Этого – в машину, – кивнул Игорь.

Оперативники тут же подхватили юношу под руки и повели к выходу из кабинета. А подполковник развернулся к тучному. Тот, как покинувшая родную ей среду рыба, только шлепал губами, не в силах вымолвить ни слова.

– Мне нужна вся документация по этой сделке, – то ли просто поделился с главным риелтором своими проблемами полицейский, то ли потребовал.

– А у вас есть постановление суда о производстве?... – на свою голову начал «выступать» главный.

– Ага! – обрадовался Михайлов. – Умный! – И, обращаясь к своим сотрудникам, распорядился: – Тоже в машину. Приятно бывает на досуге поболтать с умным человеком.

Когда конвоирующие тучного оперативники скрылись в коридоре, подполковник встал со стула, шутовски поклонился и сказал:

– Благодарю за внимание! Очень рад нашему знакомству! А теперь вы можете расходиться – притон закрывается на санитарную обработку...

«Привет от Тошали», – вот что сказал стрелок, нажимая на спуск. Возможно, Мария Ефимовна и не вспомнила бы в какой-то другой момент этого непривычного уху русского

человека имени. Но в расслабленном состоянии, испытывая полное спокойствие и умиротворенность...

И еще она сказала кое-что, на взгляд Максима, интересное. Буквально вчера, в день убийства, Зинаида Григорьевна вынесла приговор – последний в своей судебной карьере – по делу таджикских наркодельцов. По нынешним временам, ничего особенного. Некто Рустам Шералиевич Бобошеров, двадцати семи лет от роду, гражданин Республики Таджикистан, доставил в Красногорск полтора центнера героина. Разумеется, незаконно. И, как того следовало ожидать, попытался найти оптового покупателя. Но кто-то его «слил», и в роли оптовиков выступили сотрудники наркоконтроля.

Следствие, суд... С учетом особо крупного размера партии судья Малышева «отвесила» таджику по полной – двенадцать лет лишения свободы. Это был ее последний процесс, по окончании которого она уходила на пенсию.

Разумеется, Максим начал с суда. Обычно дела, если еще не прошла кассационная жалоба и приговор не вступил в законную силу, для ознакомления не выдавали. Но в этом случае, с личного разрешения председателя, Оболенский дело получил. В конце концов происшествие касалось каждого из судей, и тут уж было не до соблюдения формальностей.

Оперативника интересовали два момента. Первый – кто задерживал Бобошера, второй – кто выступал по делу в роли защитника. По словам Марии Ефимовны, защитник приходил к Малышевой, общался с ней при закрытых дверях

и был выставлен вон. Как объяснила Лукина, адвокат просил судью изменить арестованному наркодельцу меру пресечения. За деньги. А когда уходил, сопровождаемый громкими криками до предела возмущенной Зинаиды Григорьевны, бросил что-то типа: «Вы еще об этом пожалеете...» Так что в течение буквально пятнадцати минут Максим выписал две фамилии, после чего дело вернул и «сел на телефон».

Первый звонок был сделан в наркоконтроль, был там у Оболенского знакомец. Не то чтобы очень близкий, но приходилось сталкиваться по службе, и человек произвел самое благоприятное впечатление.

– Привет, Слава! – не стал тянуть время Максим. – Оболенский беспокоит.

– Знаю, знаю такого! – откликнулся полковник Лазарев. – Что-то стряслось?

– Есть вопрос.

– Так спрашивай. Если смогу – отвечу.

– Бобошера ты задерживал? Полтора центнера героина, – напомнил Оболенский.

– Это когда было?

– Полгода назад.

Лазарев некоторое время помолчал, потом ответил:

– Да, я. А у тебя там какой интерес?

– Слушай, в двух словах, что ты знаешь по этому делу, кроме протоколов?

– Ну... Учился здесь, в Красногорске. Строительный

оканчивал. После того как диплом получил, к себе уехал. Есть у него ребенок от местной девки, сын. У этой девки и останавливался. Собственно, я думаю, что он и приехал сына проведать. Полтора центнера – не та партия. Так, дорогу окупить...

– Ого! – не удержался Максим. – А какая же партия, по-твоему, стоящая?

– Ну, тонны две-три. Это уже серьезный размах.

– Да уж... – Слов просто не было. – Слушай, а он один приехал?

– Говори конкретно, что тебя интересует?

– Меня интересует кто-нибудь из его близких родственников по имени Тошали. – Поразмыслив, Максим добавил: – У нас он подозревается в организации убийства...

– Это судьи, что ли? – сразу же въехал Лазарев.

– Да, – признался Максим.

– Значит, так. Знать я такого не знаю, но смогу уточнить. В самое ближайшее время.

– перезвонить? Когда?

– Ладно, я сам...

Следующий звонок – Михайлову.

– Игорь, привет. Это я. Слушай, срочно выдерни такого адвоката – Пупырченко. Как куда? К себе! И дай мне знать. Зачем? Короче... – В нескольких словах Максим обрисовал ситуацию. – Только продержи его у себя до тех пор, пока я не отзвонюсь. Добро?

Ну и, наконец, третий звонок.

– Вася, здорово. Это Максим Оболенский. Долго размусливать просто некогда, поэтому сразу. Мне нужна твоя помощь. Да... Да... Ты где? Я за тобой заеду...

Василий Арсеньевич Скопцов – старинный приятель Михайлова. Вместе когда-то играли за университетскую сборную по баскетболу. Правда, учился Скопцов на другом факультете – журналистики. И учился, если можно так сказать, в два этапа. Первый пришелся на юность, когда кажется, что жизнь и молодость бесконечны, не задумываешься о завтрашнем дне, оставаясь постоянно в дне сегодняшнем. Проще говоря, проучившись два года, Василий из университета был отчислен в связи с хронической академической задолженностью.

Практически сразу же за отчислением Скопцов получил повестку с приказом явиться в военкомат. Отсрочки от призыва ему больше не полагалось. «Косить» Василий не стал, да и не видел смысла – кандидат в мастера спорта, он должен был отыграть свои два года в каком-нибудь армейском спортклубе. Однако судьба распорядилась иначе. Вместо спортивной роты Василий попал в спецназ Внутренних войск. А еще через год началась чеченская мясорубка...

Скопцов прошел эту войну, сам удивляясь тому, что обошли его и пули, и осколки, даже контузии паршивенькой не было. Зато две медали – «ЗБЗ» и «За отвагу».

Вернувшись, восстановился в университете. Беготня под

пулями как-то стимулирует тягу к знаниям. Правда, после окончания по специальности проработал недолго: уж слишком неуживчивый характер оказался у новоиспеченного журналиста. Повышенная требовательность к окружающим и к себе, гипертрофированное стремление к справедливости... Короче, неудобный такой тип.

Почти двухметрового роста, атлетического телосложения, с немного свернутым на сторону носом, Василий на первый взгляд производил впечатление эдакого удачливого «братка», шагнувшего в двадцать первый век из кровавых девяностых века двадцатого. Однако внешность часто обманчива. Бывший замкомвзвода в отдельной бригаде специального назначения Внутренних войск, старший сержант и «краповик» Василий Скопцов бандитов ненавидел искренне и истово, из-за чего регулярно попадал в родном Красногорске во всякие сомнительные передраги. Благодаря армейской выучке и постоянно поддерживаемой на самом высоком уровне спортивной форме всегда выходил из этих передраг с честью.

Максим подхватил приятеля возле дома, подвал которого занимал детско-юношеский патриотический клуб. Кстати, Василий же и возглавлял этот клуб: пришлось после одной из тех самых передраг, о которых говорилось немного выше... Во время этого же «приключения» он – через Игоря – познакомился и с Максимом.

«Рейндж Ровер» Оболенского притормозил возле обыч-

ной, ничем не примечательной пятиэтажки на окраине города, и на переднее пассажирское сиденье с ходу плюхнулся жизнерадостный – впрочем, как обычно, – Скопцов.

– Здорово! – сунул он лопатообразную ладонь Максиму. – В чем проблема? – Выслушав рассказ Оболенского, нахмурился, заерзал на сиденье. – Значит, говоришь, чурки быкуют? Совсем уже себя хозяевами жизни почувствовали!

– Так ты поможешь? – Максима мало интересовали эмоции.

– Даже не обсуждается! – категорически отрезал Василий. – Совсем уже абреки распоясались, думают, что им здесь – как в ихней Африке... Таких наказывать – святое дело. А *наших*, кто под них стелется, – тем более...

Вообще-то, Василий к идеям национализма относился отрицательно, не поддерживал. Но приезжих из Средней Азии и с Кавказа не то чтобы ненавидел... Терпел. Пока они вели себя в России так, как положено вести себя гостям в приличном доме.

– Ну, тогда поехали! – Максим нажал на педаль газа.

Уже когда они подъезжали к зданию УВД области, на мобильный Оболенского позвонил Лазарев:

– Слушай, есть такой! Тошали Шералиевич Бобошеров. Старший брат Рустама. Он в их тандеме основной. Крупный делец! Там, у себя, очень круто стоит. «За речкой» связи солидные. И имеются данные, что он сейчас в Красногорске. Братца с «кичи» вынимать приехал.

– Понятно, – сквозь зубы процедил Максим. – С меня при-  
читается, Слава.

– Сочтемся! – Хохотнув, Лазарев дал отбой.

– Вот так, значит, – пробормотал Максим себе под нос.

С одной стороны, полученная благодаря коллеге из нарко-  
контроля информация фактически прямо указывала на орга-  
низатора убийства Малышевой. «Привет от Тошали», – так  
сказал убийца. Одновременно эта же информация ровным  
счетом ничего не значит. Ну, Тошали, и что с того? Может,  
там у них так каждого второго зовут! Здесь нужно что-то  
большее. И это нужное должна была дать задуманная акция  
с участием Скопцова.

Адвокат Пупырченко вышел из здания УВД области.  
Небрежно сунул постовому на входе подписанный Михайло-  
вым пропуск, подождал, пока сержант приглядится к подпи-  
си, и шагнул за «вертушку».

На крыльце остановился, глубоко вздохнул. Дождь, по-  
следнюю неделю заливавший город, как-то незаметно закон-  
чился, сошел на нет. Было еще прохладно, но солнышко,  
омытое дождевыми струями, сияло все ярче, прогревало воз-  
дух. И надо было понимать так, что очень скоро в Красно-  
горск придет настоящее полноценное лето. Хорошо!

Адвокат был вполне доволен собой. Как он этого длинно-  
го-то! Ишь, корчит из себя умного. «Скажите, господин Пу-  
пырченко, общались ли вы с судьей Малышевой?» А угадай,  
дебил!



Этим самым своим «господин Пупырченко» Михайлов с первых же секунд настроил адвоката против себя. Что и говорить, свою фамилию правозащитник не любил. Ему нравились собственные имя и отчество. Артур Венедиктович. Звучит-то как! Песня! Но когда после таких красивых, аристократических, можно сказать, слов произносишь фамилию... На лице собеседника помимо его воли появляется насмешливая улыбка. А может, и не появляется. Может, Артуру она просто кажется. Отголоски комплекса, развивающегося с самого раннего детства...

Иногда Артуру хотелось сменить фамилию. На что-нибудь более благозвучное. Но родители... Их, как известно, не выбирают. И такое отношение любимого чадушки к своей фамилии, в которой они не видели ничего дурного, их бы шокировало и оскорбило. Поэтому приходилось молодому преуспевающему адвокату избегать лишний раз во время очередного знакомства произносить это отвратительное слово – «Пупырченко». Просто и при этом красиво – Артур Венедиктович. И – многозначительно: адвокат...

Мент – или полицейский, не важно, суть от названия не меняется – пытал правозащитника на предмет того, а не собирался ли он дать Малышевой взятку за то, чтобы она изменила меру пресечения некоему наркоторговцу из Таджикистана. Дурак! Ну кто же в таком признается? Тем более что прямых свидетелей того разговора нет и быть не может – Малышева и Артур в кабинете находились только вдвоем.

А что там она потом кому рассказывала, это, как говорится, к делу не пришьешь.

На второй вопрос – кто является его клиентом в данном процессе – Артур ответил прямо, честно глядя в глаза полицейскому: Рустам Шералиевич Бобошеров. А когда этот длинный подполковник поправился, мол, кто платил за услуги, все с той же честностью во взоре ответил: не знаю. Неизвестное лицо среднеазиатской национальности, не представляясь, внесло аванс. Имя, фамилия и местоительство этого лица адвокату не известны.

Вот и всё. Полицейский, конечно, пытался еще что-то мямлить, намекать, попугивать. Но не на того напал! Несмотря на относительную молодость, правозащитником Артур был опытным и цепким, права свои знал прекрасно. Ничего у ментяры поганого не вышло, так что у адвоката имелись все основания быть довольным собой.

Артур неторопливо, с чувством собственного достоинства, спустился с крыльца и направился к своему автомобилю. Новенький «БМВ Х5» был припаркован неподалеку от здания УВД. Подошел к машине, достал из кармана брелок сигнализации...

– Извините, это вы господин Пупырченко? – слышалось сзади.

У Артура сразу же испортилось настроение. Ну вот. Его уже и на улице достают этой дурацкой фамилией.

– Да, я! – Он резко развернулся, собираясь поставить наг-

лица на место, но прикусил язык. Парень, который к нему обращался, был как минимум на голову выше правозащитника ростом и раза два шире в плечах. При этом рожа у него была такая... Очень специфичная. Такие физиономии у Артура всегда вызывали ощущение дискомфорта. Попросту говоря, людей с такими лицами он боялся. Ну, не боец... Не каждому дано. Сам себя правозащитник обычно успокаивал известными словами Жуковского о преобладании силы разума над силой мускульной.

– Что вы хотели? – очень даже вежливо поинтересовался адвокат. Грубить таким людям иногда выходит себе дороже.

– Тебя, сладенький мой! – радостно оскалился здоровяк. И, пока Артур пытался как-то переварить сказанное, перешел к действиям.

Оттопыренный большой палец руки неожиданно воткнулся точно под третью пуговицу модной сорочки Артура. Удар получился очень коротким, со стороны практически незаметным, однако адвокату показалось, что его конь лягнул. Он захрипел, скрючился и начал медленно опускаться на пока еще мокрую землю.

Но упасть ему не дали – поддержали. Вроде как под локоток, почти нежно. Только локоть и кисть руки при этом оказались в таком положении, что, попытайся Артур дернуться, рука непременно была бы сломана.

– Что случилось? – раздался встревоженный женский голос над головой.

Да, есть женщины в русских селеньях. И, конечно же, в городах. Те, кому до всего есть дело. В обычном своем состоянии Артур к таким относился презрительно-насмешливо. Однако сейчас он был благодарен незнакомке за вмешательство. Глядишь, этот бандюган испугается и убежит, оставив несчастного адвоката в покое.

Не испугался...

– Человеку плохо.

– Так надо «Скорую»!

– Ничего, мы сами отвезем.

И тут же, как по заказу, рядышком затормозила машина. Что-то большое и черное – подробнее скрюченный адвокат разглядеть не смог. Да и не до того ему, собственно, было...

Артур и сам не заметил, как оказался на заднем сиденье машины, которая тут же сорвалась с места. Туман в глазах правозащитника начал было рассеиваться, но разглядеть толком он так ничего и не смог. Кто-то, сидящий рядом с ним, – надо полагать, тот самый здоровяк, что так бесцеремонно пристал к нему на улице, – сгреб адвоката за шиворот и легко завалил вниз, на пол между сиденьями. И еще ноги на спину поставил.

Гудел двигатель, они куда-то ехали. Куда – адвокат не имел ни малейшего представления. Похитители своими планами в отношении правозащитника не делились. Ни между собой, ни тем более с пленником. Рубчатые подошвы кроссовок больно давили на спину.

– Я... Это... – попытался было внести хоть какую-то ясность отдышавшийся наконец-то Артур.

И тут же получил достаточно увесистый и болезненный удар ногой по ребрам.

– Вафельник захлопни, чмурло! – грубо посоветовали сверху. Адвокату пришлось подчиниться силе.

Ехали довольно долго. Всю дорогу Артур молил Господа о том, чтобы машину остановили для проверки гаишники. Остановят, заглянут в салон, а там такое... И Артур спасен.

Однако сегодня был явно не его день. Стражи дорог, проявляющие активность как раз в те минуты, когда куда-то опаздываешь, сейчас как будто вымерли. Машину никто не остановил. А через некоторое время она вообще съехала с асфальта на грунтовку – прыжки кроссовок на спине участились и приняли беспорядочный характер.

Неожиданно машина встала. Двигатель заглох, хлопнула дверь, и кто-то, бесцеремонно ступая по спине адвоката, выбрался наружу. Сам адвокат притих – даже болезненный стон сумел сдержать. Сейчас салон машины казался ему чем-то типа крепости. И покидать его он категорически не хотел.

Впрочем, его желания мало заботили его пленителей. Правозащитника грубо схватили за шиворот и выволокли наружу, швырнув на мокрую траву. Только тогда Артур попытался оглядеться.

Они находились в каком-то лесу. В каком? А кто его знает. Красногорск вообще окружен многочисленными лесами,

рощами и колками. А что вы хотели – таежный край...

Хотя лес – это ерунда. Хуже всего то, что они были здесь только втроем – если, конечно, не считать автомобиля. Лежа на земле, Артур боялся даже глаза поднять. Но две пары ног перед собой видел. На расстоянии вытянутой руки. И место, куда они приехали, и поведение захватчиков не сулили правозащитнику ничего хорошего.

Так оно и получилось. Его опять грубо сгребли, оторвали от земли, поволокли куда-то в сторону. Там быстро и сноровисто – чувствовался опыт захватчиков в такого рода делах – привязали к дереву.

Через несколько секунд перед адвокатом возник тот самый здоровяк с бандитской рожей. В руках у него был огромнейших размеров нож... Вот теперь Артуру стало по-настоящему плохо.

Здоровяк воткнул нож в землю и, присев у ног адвоката, начал деловито расстегивать его брюки.

– Что вы делаете?! – почти простонал правозащитник.

– Посмотрим, что там у тебя есть, – не поднимая головы, ответил здоровяк. – Может, лишнее что... Надо будет отрезать.

Брюки были спущены на щиколотки. Прохладный ветерок, которому адвокат еще так недавно радовался, неприятно поглаживал голые ноги и... все остальное. А здоровяк выдернул свой нож, опять оскалился на адвоката стальными фиксами и негромко пропел:

– Сколько я зарезал, сколько перерезал, сколько честных душ я загубил...

Адвокат почувствовал ледяное прикосновение лезвия внизу живота. Он неподвижно замер, опасаясь вздохнуть и стараясь втянуть и живот, да и все остальное в себя, однако все равно чувствовал холод ножа.

– Ну, что? – спросил здоровяк. – Будем сразу резать? Или, может, поговорим?

– П-п-поговорим! – уцепился за это слово правозащитник, как утопающий за спасательный круг. Больше всего пугал даже не сам нож, и не страх за то место, к которому примерялись. Больше всего адвоката пугало отношение этого парня. Достаточно было один раз встретиться глазами, чтобы понять – отрежет. Не задумываясь и не сожалея. И совесть его мучить не будет, и по ночам будет спокойно спать.

– Тогда так. Я задаю вопросы – ты на них отвечаешь. Если мне хотя бы покажется, что ты врешь... Хась – и у тебя будет очень звонкий красивый голос. Тоненький такой... Согласен?

Адвокат торопливо, опасаясь не успеть, – кто его знает, что у этого отморозка на уме? – закивал, не в силах вымолвить ни единого слова.

– Тогда первый вопрос – где и как мне найти твоего клиента, Тошали Бобошера...

## Глава 4

Уже довольно пожилой, но пока еще бодрый мужчина, невысокий, полноватый, с любопытством оглядывался по сторонам. В его жизни происходило всякое. Бывал он в резиденциях королей и министров, в домах серьезных деловых людей... Причем не в России – тут *настоящих* деловых, тех, кого называют промышленниками и финансистами, не может быть в принципе, – а в других странах, которые, в отличие от горячо любимой Родины, принято считать цивилизованными. Пусть даже они и находятся на Африканском континенте.

А вот здесь, в администрации президента родной страны, оказался впервые. И разговор, надо сказать, шел такой... Станный.

– Кхм... – Хозяин кабинета был несколько смущен. – Короче, так, Виктор Ильич. Последние успехи нашей разведки... как вы понимаете, успехи более чем сомнительные... вызвали серьезную озабоченность президента. После ряда консультаций было принято решение – создать дополнительный координирующий орган. Что-то вроде межведомственного управления. Формально это будет комитет Совета безопасности. Ну, а неформально... – Чиновник замолчал. Оно и понятно. В отличие от гостя, он не был специалистом в области разведки. Интриговать, угадывать желание Хозяина,



подставлять конкурентов – это запросто. А вот так... Однако он никогда бы не добился своего положения, если бы не умел с самым уверенным видом рассуждать о вещах, просто недоступных его восприятию. – Вам предлагается возглавить этот комитет, – чуть приосанившись, закончил хозяин кабинета.

– Я согласен, – просто ответил Виктор Ильич. И его ответ чиновника удивил.

То, что ему предлагалось, не было синекурой, кормушкой для чинуш, по какой-то причине отодвинутых от власти. Новую структуру предстояло создавать с нуля, на пустом месте, не имея никаких теоретических и практических наработок. А ведь человек далеко не молод. И вот так, не потребовав времени на раздумье, не попытавшись выторговать себе чего-нибудь такого... Чтобы и самому хватило, и внукам чтоб осталось. Соглашается?! Ему что, за державу обидно?! Так не осталось же таких! Не могло остаться! Их же всячески – это уж хозяин кабинета знал не понаслышке, сам принимал участие – всячески изживали, давили, «стирали» из этой жизни. Не потому, что они могли чем-то повредить. Просто рядом с *такими* очень ярко чувствуется собственное убожество и гниль. Они – постоянное напоминание о том, что ты – низок. Не в смысле физического роста...

– Я согласен, – повторил Виктор Ильич, нарушив затянувшуюся паузу.

– Ну... Хорошо. – Чиновник постарался взять себя в руки. – Будем считать, что вы получили карт-бланш. Проду-

майте структуру, штаты, основные направления деятельности. Учить вас нечему – вы известный в этой области специалист.

– Кого я могу взять в штат? – деловито спросил Виктор Ильич.

– Кого хотите! – развел руками хозяин высокого кабинета. – Хоть Анну Чапмен.

Это он пошутил так. Однако его собеседник на шутку отреагировал несколько своеобразно. Не улыбнулся, а только скривил лицо в безразличной гримасе и сказал:

– Хорошо. Через неделю я представлю свои соображения.

– Отлично! – обрадовался чиновник и поднялся, тем самым давая понять, что аудиенция закончена. Протянул руку, прощаясь. – И имейте в виду, президент очень на вас надеется...

Последняя фраза была сказана тоном интимным, доверительным. Но Виктор Ильич и на это не отреагировал. Только кивнул, пожал протянутую руку и вышел за дверь. Чиновник отметил, что, несмотря на возраст, двигается он довольно легко. Незаметно в нем пока старческой немощи. После ухода визитера он долго смотрел на дверь, за которой тот скрылся. Разговор оставил неприятное ощущение. Для хозяина кабинета, привыкшего считать себя лицом важным, значительным, олицетворением государства, такое было внове. Этот старик вел себя так – вроде бы не тот, кто его пригласил для беседы, главный, а он сам. Не было в нем почтительно-

сти, угодливости, стремления понравиться важной персоне. Он вообще не видел в хозяине кабинета этой самой персоны. Хорошо хоть, не выражал открыто свое презрение.

«Он себя еще покажет, – подумал чиновник. – Наплачемся мы с ним». Впрочем, не ему решать. Он всего лишь исполнял указание шефа. Хозяина. А уж чем тому приглянулся этот старик – вникать в это не входило в его задачи.

«По подозрению в совершении умышленного убийства разыскивается Бобошеров Тошали Шералиевич, тысяча девятьсот... года рождения, уроженец и гражданин Республики Таджикистан...» Ну, и так далее. Это зачитывается во время инструктажа заступающих на службу нарядов. Милиционеры-полицейские записывали ориентировку в служебные книжки. Толку с этого никакого. Вот только существуют определенные правила игры, которые не меняются вместе с названием. И их должны соблюдать все, кто в эту игру вступил.

Новоявленные полицейские не будут напряженно искать этого самого Бобошера. Не до того – им надо план выполнять, доставить за смену определенное количество нарушителей общественного порядка. Если же патрульный участок оказался более или менее спокойным, значит, придется эти нарушения искать. Полицейское руководство – так же, как и милицееское – в своей деятельности исходит из того, что наши люди в булочную на такси не ездят и просто не могут

не нарушать закон.

Но... Порядок есть порядок. И ложатся на листы бумаги корявенькие строки, которые никто, кроме проверяющего, читать не будет.

Однако если разлетевшаяся по городу ориентировка и не способна помочь в задержании опасного преступника, помещать она очень даже может. В самом начале патрулирования два сержанта – наряд патрульно-постовой службы – зашли в шашлычную, расположенную на их маршруте. Порядок такой. Если генералитет в долях с серьезными банками и крупными компаниями, полковники «отдаивают» торгашей средней руки, начальники помельче «помогают» малому – уже совсем малому – бизнесу, то сержанты просто пользуются халявой. В частности, в шашлычной им перепало по две порции шашлыка. В другое время они бы и водочки с удовольствием тяпнули, но сейчас, в период, когда решается вопрос, войдут ли они в новые полицейские структуры, рисковать нельзя. Пришлось ограничиться теплым жидким чаем.

После позднего обеда сытый и довольный старший наряда подошел к хозяину шашлычной – добродушному круглолицему азиату.

– Слушай, Саид, – спросил он, вытирая рукавом жирные губы. – Ты ведь у нас таджик?

– Да, да, таджик! – закивал головой Саид. Врать ему смысла не было – сержант, пользуясь данной ему властью, может просто проверить документы, из которых станут известны не

только национальность, но и некоторые другие данные, которые незаконный гастарбайтер предпочел бы не афишировать.

– Ты такого Бобошера знаешь? – с хитрецей покосился страж порядка на торгаша. – Тошали Шералиевича?

– Нет, не знаю, – помотал головой Саид. – А что?

– Да нужен он... – тяжело вздохнул сержант. – Подозревается в организации умышленного убийства.

Этот сержант не был предателем. Он выполнял один из приказов МВД, в котором говорилось, что каждый патрульный должен иметь на маршруте нескольких секретных информаторов. То, что уровень профессиональной подготовки этого сержанта просто не позволяет ему при всем желании успешно работать в этой области, «умные головы» в МВД просто недодумали.

– Ай, шакал, какой шакал! – горестно поцокал языком Саид. – Вот из-за таких, как этот...

– Бобошеров, – подсказал сержант.

– Из-за таких паршивых ишаков и нам никому жизни нет! – продолжал свою речь хозяин шашлычной. А покончив с демонстрацией возмущения, чуть склонился к уху сержанта и заговорил тихо, интимно, доверительно: – Я спрошу кое у кого, Вася, насчет этого Бобошера. Ты вечером, когда меняться будешь, зайди, поговорим...

Сержант ушел вполне довольный собой. У него состоялся «оперативный контакт», который он сможет поставить себе в

актив. А вечером, когда придет время уходить с маршрута, явно перепадет еще «халявного мяса». Теперь уже точно с водочкой. Пусть и «паленой», но очень даже ничего. Одним словом, день удался...

Не успели сержанты покинуть маленький зал шашлычной, как Саид, сразу же став серьезным и утратив все свое добродушие, вызвал за стойку стоящего у мангала племянника и выскочил во двор. Огляделся по сторонам – нет ли рядом лишних ушей, достал сотовый телефон и набрал знакомый номер.

– Менты ищут Бобошера Тошали Шералиевича, – выпалил шашлычник, как только ему ответили на той стороне. – Вроде бы организовал убийство... – И отключил телефон.

Саид действительно не симпатизировал убийцам. И имя этого самого Бобошера он слышал впервые. Но тот, кого искали местные глупые и ленивые менты, был таджиком, как и сам Саид. А земляки обязаны помогать друг другу. Там, у себя на родине, они могут ругаться, драться, стрелять друг в друга. А здесь все они – братья. Иначе не выжить...

Неосторожно брошенное старательным полицейским слово волной разбегалось по городу. Снизу вверх.

Напрасно считают, что приезжие – это такое неорганизованное стадо, в котором каждый сам за себя. Это далеко не так. В неорганизованной, на первый взгляд, толпе выделяются

лидеры. Эти лидеры поставляют рабочую силу в нужном работодателем количестве, руководят процессом работ, получают и распределяют деньги. На всех. Спорить и что-то доказывать просто глупо. На родине, в Таджикистане, работы нет, следовательно, нет и денег. И стоит лишь слово сказать против, проявить какое-то непослушание – не станет для непокорного работы и в России. Вот тогда хоть с голоду помирай. Так что авторитет лидера среди подчиненных практически безграничен, а его слово – закон.

Однако и у мелких руководителей бригад «вольных таджиков» есть свои лидеры, свои начальники, пусть и неформальные. Мелкий руководитель прекрасно знает – за любой «косяк» будет наказан даже не он сам – будут жестоко наказаны его родственники, оставшиеся там, на родине. Человек, которому есть что терять, уязвим. И, стало быть, управляем. Поэтому никому даже в голову не может прийти сделать попытку проявить независимость, освободиться от обязательной для всех дани или не сообщить вовремя о надвигающейся опасности...

Прошло совсем немного времени, как руководители самого верхнего эшелона областной таджикской диаспоры уже знали – объявлен в розыск Тошали Бобошеров.

Это он здесь, в России, просто приезжий – то ли строитель, то ли торговец фруктами. А вот *старшие* таджиков точно знают – там, где остались их семьи, жены, дети, отцы и матери, Тошали Бобошеров – очень серьезный и уважаемый

человек. Да, он торговец наркотиками, что не приветствуется ни русской полицией, ни, кстати, самими земляками. По крайней мере, из тех, кто давно уже осел в Красногорске, обзавелся кое-какой недвижимостью и ведет легальный бизнес. Но уровень торговцев наркотиками тоже бывает разный. Кто-то в собственном желудке везет несколько граммов героина, шарахаясь от каждого встречного русского мента и моля Аллаха, чтобы выдержала упаковка, подвергающаяся атаке агрессивной среды желудка. А кто-то легко управляет переброской тонн отравы, сам при этом ничем не рискуя – за него подставляются другие.

Бобошеров был из вторых. Несмотря на относительную молодость – всего лишь около сорока, – он был одним из наиболее влиятельных наркобаронов независимой республики, уважаемым и представителями криминалитета, и легко входим в самые высокие властные кабинеты. Это не значит, что всего в своей жизни Тошали добился сам. Этаким преступный гений... Еще раз приходится напоминать о том, что Таджикистан – не Россия. Там, за границей, в самом верху иерархической лестницы стоят потомки ханов, баев, беков, местных князей и князьков, феодалов, а также тех, кто стоял у истоков басмаческого движения. Многие поколения славных предков стоят за Бобошеровым. И курбаши, и первые секретари... Не помочь такому человеку просто нельзя. Фактически руководитель таджикской диаспоры в Красногорске был лишен выбора.



Конечно, земляк повел себя высокомерно. Не зашел по приезду, не познакомился, не посоветовался... Даже чаю не выпил. Но он – в своем праве. Выражать свое недовольство и протест в этом случае просто глупо. Нельзя ему не помочь, никак нельзя. Даже в том случае, если этой помощи никто и не просил. Поэтому, пусть и немного недовольный «проблемным» земляком, старший позвал одного из своих доверенных людей.

– Вот этот человек сейчас находится по этому адресу, – передал он в руки почтительно склонившегося перед ним подручного бумажку. – Возьми машину, съезди, предупреди. Его ищет полиция. За убийство. Ему необходимо срочно покинуть город и Россию вообще. Если же он пожелает остаться... Позвонишь *нашим*, пусть найдут жилье. Все, иди.

Ему не было нужды уточнять, все ли понял подручный. Он знал – все будет исполнено как надо.

– Ну, ладно, Вася... – Максим притормозил на углу. – Спасибо тебе большое. Теперь уж и без тебя как-нибудь...

– Щас! – ухмыльнулся Скопцов и демонстративно устроился в пассажирском кресле поудобнее. – Без меня! Это когда самая веселуха начинается? Не, не пойдет!

– Ну, смотри сам. – Уговаривать приятеля Оболенский не стал, прекрасно зная, насколько бесполезное это занятие.

Гуднул сигналом пристроившийся позади «Рейндж Ровера» «уазик» ОПОНа – дескать, что за задержки? Поторапли-

ваемся!

Максим тронул машину с места. Оставленный в лесу плачущий адвокат рассказал все, что знал. А знал он, приходилось признать, немного.

Тошали Бобошеров нашел его через своего земляка, который привлекался за хранение наркотиков, но благодаря правозащитнику, который сумел передать взятку судье, отделался легким испугом и относительно небольшими финансовыми потерями.

Предложение таджиком было сделано более чем щедрое. Адвокат Пупырченко не должен был «разваливать» уголовное дело в отношении Бобошерева-младшего, а всего лишь добиться изменения меры пресечения с содержания под стражей на подписку о невыезде. Ну, или залог. Деньги, как сказал Тошали, большого значения не имеют, главное, чтобы он оказался на свободе. И тогда любящий старший брат быстренько организует ему отъезд на родину, где Рустама никто никогда не выдаст.

Были куплены несколько справок о том, что Рустам Бобошеров страдает тяжелыми хроническими заболеваниями, которые никоим образом не позволяют ему находиться в условиях СИЗО. Дело оставалось только за судьей. Но Рустаму не повезло – судья Малышева славилась своей принципиальностью.

– Она не берет... – застенчиво сообщил Пупырченко своему нанимателю.

– Значит, мало давали. Просто ей попадались жадные люди, а в таких делах жадность ничего, кроме вреда, принести не может. Надо предложить ей столько, чтобы взяла – и все.

– Она *совсем* не берет, – попытался объяснить адвокат, но Тошали его просто не понял.

– Таких не бывает, – отрезал он.

И господин Пупырченко отправился к судье. Получилось даже хуже, чем рассчитывал правозащитник. Судья не только выставила его вон, но и пообещала, что Рустаму Бобошерову, гнусному отравителю русского народа, не светит изменения меры пресечения ни под каким видом. И что этот вопрос она проконтролирует лично.

– Значит, будет другой судья, – просто и буднично решил Тошали, выслушав отчет адвоката.

Артур Венедиктович клялся и божился, что он даже не догадывался, какой именно смысл вкладывал старший Бобошеров в эти слова. Откровенно говоря, очень неубедительно клялся. Хотя, конечно, вряд ли таджикский наркоторговец напрямую обсуждал с правозащитником свои планы. «Знаешь, друг Артур, мы хотим эту судью убить. Не подскажешь ли, как лучше это сделать?» Конечно же, такого не было. Вот только хороший адвокат – а Артур Венедиктович был хорошим адвокатом, вдобавок и неплохим психологом – должен был понимать, что подразумевает под своими словами его клиент.

Но Скопцова и Оболенского в первую очередь заинтересо-

вало не это. Две встречи происходили на квартире, которую арендовал таджикский делец в Красногорске. Вот адрес этой квартиры и нужен был приятелям. Пупырченко сдал его без малейших колебаний. Особенно после того, как Скопцов слегка подвигал лезвием ножа из стороны в сторону.

– Игорь, есть подозреваемый! – Сразу же, как только машина Оболенского отъехала от оставленного у дерева адвоката, позвонил Максим приятелю и начальнику. – Бобошеров Тошали Шералиевич. С ним – еще трое. Организуй ОПОН, пусть встретят меня на въезде в город. Будем брать...

...Первыми в подъезд прошли Василий и Максим. Осмотрелись, можно сказать, «обнюхались». Изучили дверь квартиры, послушали... Но по ту сторону двери стояла мертвая тишина.

Максим спустился на два пролета ниже и, набрав номер на сотовом, сказал командиру выделенной в его распоряжение группы:

– Входите...

Крупные ребята в камуфляже, бронежилетах и касках, с укороченными автоматами в руках двигались, на удивление, легко и бесшумно. Поднялись на площадку, рассредоточились у стен.

Командир группы вопросительно взглянул на Максима. Тот кивнул – поехали!

Не прошло и секунды, как дверь рухнула вместе с косяком, подняв клубы пыли. Ахнули заброшенные в глубину

квартиры светозвонковые гранаты. И тут же пятнистые тела, в определенном, установленном и отработанном на многочисленных тренировках порядке, ворвались внутрь.

Максим и нетерпеливо переминающийся с ноги на ногу Василий ждали бойцов группы захвата на площадке. Не потому, что испытывали какой-то страх. Оба прекрасно знали очень простую истину – нельзя лезть под руку профессионалам. В наработанных на многократных тренировках схемах и «раскладах» нет места посторонним. Поэтому нужно запастись терпением и ждать, если, конечно, не хочешь помешать успешной работе специальной группы.

Примерно через минуту, когда на площадке начали собираться любопытствующие жильцы подъезда, привлеченные взрывами гранат, командир группы вышел из квартиры:

– Там никого нет...

– Как, никого?! – в один голос удивились Василий и Оболенский.

– Вообще никого, – повторил опоновец. – На кухне посуда стоит, еда еще теплая... А людей – нет. И шмотья – тоже...

– Вот, значит, как... – Максим развернулся и пошел вниз. Василий последовал за ним.

– А с хатой что? – крикнул вслед опоновец.

Оболенский, не поворачиваясь, пожал плечами. Это его сейчас заботило меньше всего.

Бобошеров прохаживался по квартире, тоже арендован-

ной, как и прежняя. Той, что была снята с помощью земляков, через принадлежащее им агентство недвижимости. Интересно, а если бы в Душанбе приезжие русские задумали торговать таджикской недвижимостью, долго бы они продержались?

Впрочем, эта мысль, так, мелькнула – и пропала, не оставив ни малейшего следа. Не это сейчас заботило Тошали.

Местные правоохранители – не так уж и важно, милиция ли, полиция, – что называется, сели ему на хвост. Идет преследование. По идее, надо быстренько бежать из этой страны на родину, где его никто и никогда не достанет. Брату он уже вряд ли чем-то поможет. И наверное, местный старший, предлагавший помочь с отъездом, в чем-то был прав.

Но оставалось еще одно дело, которое никак нельзя было отложить или вообще забыть. Месть. Он должен отомстить тому человеку, который сдал Рустама местной службе наркоконтроля.

Пусть местные менты думают, что они самые умные и самые хитрые. Пусть. Сам Бобошеров прекрасно знал, кто именно совершил такую неслыханную подлость. Просто пока еще не нашел этого человека. Потому-то и стрелок, который убил судью, – ничтожный наркоман, не способный нескольких часов прожить без дозы, – пока еще жив.

Вообще-то, сам Тошали не собирался связываться с красногорскими таджикскими авторитетами. Ни к чему они ему. Расслабились, позабыли родину, позабыли религию. Навер-

ное, свинину кушают. И сало. Однако теперь, когда время, отпущенное на поиски предателя, ограничено, придется воспользоваться их помощью. И Тошали сейчас ждал звонка.

...Звонок этот поступил уже в начале двенадцатого часа ночи.

– Тот, кто тебе нужен, сейчас живет... – Незвестный назвал адрес, после чего повесил трубку.

Вот так. Предатель не скроется от возмездия. Бобошеров был доволен. Подмывало отправить стрелка на адрес прямо сейчас. Но, поразмыслив, Тошали отказался от этой мысли. Спешить не стоит. Сейчас вечер, на улицах много ментов, а его стрелок выглядит именно так, как и должен выглядеть человек, долгое время сидящий на героине. Любой наряд может его остановить. Не потому, что будут в чем-то подозревать, а просто, на всякий случай. Лучше уж утром. Все спешат-торопятся на работу, многие с похмелья. Да и менты с утра не такие злые – их просто нет на улицах. У них как раз планерки и разводы по постам. Значит, так и будет. Утром свершится возмездие, и Бобошеров наконец покинет этот негостеприимный город. Скорее всего, навсегда...

– Ого! – Высокий, худощавый, подтянутый пожилой мужчина, одетый в хороший цивильный костюм, радостно улыбался. – Виктор Ильич! Какими судьбами?

Вопрос, конечно, в большей степени носил «дежурный» характер. Ибо встреча старых знакомцев произошла в одном

из коридоров довольно известного в народе здания, с легкой руки одного предателя получившего название «Аквариум». А в этом здании как-то не принято всерьез интересоваться делами даже самых близких знакомых.

– Да вот, Николай Петрович... – улыбнулся Виктор Ильич. – Решил заглянуть по старой памяти, посмотреть, что тут и как...

– Понятно! – Генерал-лейтенант Оболенский отступил на шаг, разглядывая собеседника почти что с любовью во взгляде. Уж очень многое их связывало в прошлом. – Не стареют душой ветераны!

– Николай Петрович, хорошо, что я тебя встретил, – неожиданно произнес Виктор Ильич. – Сынок-то твой, Максим, кажется? Как он? Служит? Наверное, уже полковник?

– Служит, – чуть изменился в лице генерал-лейтенант. – В полиции он служит. В Красногорске. Который в Сибири.

– Вот как?! – удивился Виктор Ильич. – А чего же так? Я его помню – перспективный паренек. Очень перспективный.

– Так получилось, – неопределенно ответил Оболенский-старший. – Долго рассказывать. Да и неинтересно это.

– Да, жаль, жаль... – Виктор Ильич о чем-то задумался. – Помнится мне, ты и сам из Красногорска? Отец там вроде у тебя...

– Умер отец, – нахмурился генерал-лейтенант. – Максим сейчас в его квартире и живет. В Москве вообще не появляется. Совсем отца забыл.



Несколько секунд помолчали. Потом Николай Петрович взглянул на часы:

– Ты уж извини меня, Виктор Ильич. Бежать надо. Дела.

– Конечно-конечно! Дела – это святое. Рад был тебя видеть! От души рад!

– Так и я, Виктор Ильич, тоже! – Крепко пожав на прощанье руку старому боевому товарищу, Оболенский-старший двинулся дальше по коридору. А Виктор Ильич не спеша направился в управление кадров ГРУ.

Там он предъявил свое удостоверение – роскошное, снабженное пятью ступенями защиты, в котором значилась должность: «заместитель председателя Совета безопасности». Заполнил установленную форму запроса. Через некоторое время получил дело. Учитывая то, что выносу из помещения оно не подлежало, присел тут же, в специальном зале, и занялся изучением. Просмотрев дело, хмыкнул себе под нос, сокрушенно покачал головой и направился к выходу.

Примерно через час он уже был в своей резиденции. Нет, не в здании ГРУ и даже не в Совете безопасности. Где? А вот это уже как-то и неважно. Не имеет значения.

Секретарь, уже немолодая женщина, встретила Виктора Ильича сообщением:

– Вам звонили...

– Все потом, – остановил он ее коротким жестом. – Вы мне, Лариса Андреевна, сделайте-ка вот что... Закажите би-

леты в Красногорск и обратно.

– Красногорск какой? – Секретарь проявила осведомленность в географии родной страны. – Подмосковный или сибирский?

– Сибирский, – сказал Виктор Ильич. – Надо бы мне туда слетать денька на три.

– Хорошо. – И секретарь сделала пометку в своем рабочем блокноте.

Виктор Ильич прошел в свой кабинет, сел за стол и о чем-то задумался.

## Глава 5

Это уже была не шашлычная – ресторан. Не в самом центре города, конечно, на окраине, неподалеку от оптового рынка, где обычно толкались перевозчики фруктов и овощей из Средней Азии. Но – ресторан. И публика здесь собиралась чистая, денежная; если уж и не деловая, в том смысле, в каком это слово всегда используют, то стремящаяся стать деловой.

И тем страннее было видеть, как тяжелая, массивная дверь заведения широко распахнулась от сильного пинка извне. Через порог перешагнул русский – что уже само по себе в таких заведениях было близко к сенсации. К тому же вошел в чужие владения так борзо и нагло...

Русский был не особенно высок ростом, худощав, одет во все черное. На лице – солнцезащитные очки, неуместные в сумерках. Волосы, слегка пробитые сединой, собраны на затылке в «конский хвост».

Охранник метнулся наперерез наглецу:

– Эй, ты куда?!

Но его тут же остановил второй русский, вошедший вслед за первым. Этот был намного крупнее приятеля, выше ростом, нос свернут в сторону, что являлось немым свидетельством некоторого опыта в драках. И хватка у этого второго, как успел на себе ощутить охранник, была железная.

– Что здесь происходит? – бросился навстречу незваным гостям метрдотель.

– Полиция! – «Волосатый» помахал в воздухе красной книжицей удостоверения. – Мне надо видеть хозяина заведения.

– К сожалению, – важно начал «метр», – хозяин заведения в настоящее время отсутствует. Но если вы оставите свой телефон...

– Да запросто! – улыбнулся мент. Правда, улыбка его была больше похожа на оскал. Шагнув к ближайшему от входа столу, за которым сидели два солидных таджика с русскими женщинами, он подхватил стол снизу и резко рванул его рукой вверх.

Зазвенели приборы, вспорхнула скатерть. Остатки блюд и напитков оказались частично на полу, частично на одежде гостей.

– Эй, что ты делаешь?! – закричал один из посетителей, отряхивая стильный пиджак.

– Документы, – мрачно потребовал «волосатый», а его дружок толкнул охранника так, что тот улетел в самый дальний угол холла, и шагнул к напарнику.

– Какие тебе документы?! – выверился таджик. – Пошел отсюда, скотина!

Удара никто и не заметил. Просто «говорливый» посетитель вдруг запыхтел и скрючился, зажимая руками живот. А наглый полицейский, поддерживая его за шиворот, бесце-

ремонно пошарил по карманам и вытащил паспорт. Открыл документ, заглянул и зловеще проговорил:

– Та-ак... Регистрации местной нет...

– Что вы делаете... – пролепетал растерянный «метр».

– Провожу проверку паспортного режима, – сообщил «волосатик». – И то, что я вижу, мне не нравится. Глянь-ка в окно...

Метрдотель глянул в окно и обомлел – у входа стояли две машины ОПОНа, а возле них прогуливались крепкие ребята в полной экипировке.

– Так я могу видеть хозяина? – Странный мент был теперь сама любезность. – Или нам всем заходить?

– Одну минуточку... – «Метр» испарился. Вот только что стоял здесь, рядышком, и вдруг его не стало.

Материализовался он через несколько секунд.

– Хозяин уже подъехал и готов поговорить с вами... – «Метр» жестом указал направление, в котором следует пройти неожиданным гостям.

Хозяином заведения оказался тучный таджик лет шестидесяти.

– Что вы хотели? – лениво поинтересовался он, не посчитав нужным даже подняться с кресла, в котором сидел.

– Мне нужен Тошали Бобошеров, – сообщил «волосатый», занимая место напротив стола. Его напарник встал у него за спиной.

– И вы думаете, что я вам могу чем-то помочь? – удивился

хозяин. По бесстрастному лицу невозможно было понять, то ли это удивление искреннее, то ли напускное.

– Я *уверен*, что вы мне поможете, – чуть усмехнулся «волосатый».

– Может, для начала вы представитесь? – предложил хозяин. И добавил многозначительно: – Чтобы я знал, на кого мне жаловаться...

– Майор Оболенский. – «Волосатый» опять извлек из кармана удостоверение. – Максим Николаевич.

– Майор, – неожиданно перешел на «ты» хозяин, – ты понимаешь, что я этого просто так не оставлю?

– Плевать, – небрежно отмахнулся Оболенский.

– Да ты хоть понимаешь, с какими я людьми тут дела имею? – Хозяин кабинета начал багроветь. – Да тебя завтра же с грязью смешают!

– Это будет завтра, – ухмыльнулся Максим, – а сегодня мы с ОПОНОм от твоей забегаловки камня на камне не оставим. И всем твоим гостям-друзьям-приятелям создадим проблемы. Так будет сегодня. И завтра. Только завтра пострадают уже не только твои друзья, а просто мелкая сошка – торгаша, перекупщики... Послезавтра – строители... И так будет каждый день, до тех пор, пока я не найду Бобошера... – Голос майора как-то странно загустел, теперь в нем, как камни в горном ручье, перекачивались басовые нотки.

– Ну, ты наглец! – Хозяин откинулся в кресле, стараясь сохранять вид уверенного в себе человека, хотя на самом де-

ле ему вдруг стало страшно. Он не понимал, почему вдруг его испугал этот совершенно неопасный с виду «волосатик», однако факт оставался фактом – хозяин боялся этого майора.

– ...При этом, – как ни в чем не бывало продолжал Максим, – все эти люди будут точно знать: ты мог им помочь, но не захотел. Отдал их в руки полиции. Ты! – Указательный палец в обличающем жесте вытянулся к груди хозяина. – И никто другой!

– Бред... – ответил хозяин, невольно шарахнувшись от направленного на него пальца. Но только в его голосе уже не было прежней уверенности. Этот мент очень убедителен... Помимо собственной воли хозяин кабинета все больше и больше проникался мыслью, что будет именно так, как ему сейчас расписал «космач».

«И что же делать? – лихорадочно соображал он. – Разумеется, сдавать Бобошерову никак нельзя. Слишком мало людей знает адрес квартиры, в которую он перебрался. И вычислить предателя будет не просто, а очень просто». Но в то же время хозяин кабинета понимал – этот мент не уйдет, пока не добьется своего. А добьется он в любом случае. Не помогут ни связи, ни деньги...

– Не тяните время, уважаемый, – оскалился странный майор. – Время идет, ОПОН на улице застоялся. Надо решать – туда или сюда...

– Я не знаю, где тот чертов Бобошеров. – Сейчас хозяин чувствовал себя подавленным. От его недавнего апломба не

осталось и следа.

– Как его найти? – спросил, как выстрелил, Максим.

– Ну... – замялся хозяин. Потом, махнув рукой, отчаянно проговорил: – Я не знаю, где найти его самого, но мне известен адрес человека, которого он ищет.

– Говори, – великодушно разрешил Оболенский. И хозяин назвал этот адрес.

– Ну, вот и все. – Максим встал с места и немного театрально поклонился. – Российские правоохранительные органы благодарят вас за оказанную помощь.

С этими словами и Оболенский, и сопровождающий его здоровяк, который за все время не сказал ни единого слова, вышли из кабинета.

Хозяин заведения остался один. Встал с места, подошел к шкафу, в котором был скрыт бар, чуть подрагивающей рукой налил себе приличную порцию коньяка и отхлебнул глоток...

А ведь он только что чуть не сдал полицейским самого Бобошера! Если бы этот странный майор чуть усилил нажим, он бы не выдержал. Но почему?! Не первый раз жизнь ставила хозяина заведения в такое положение, что ему приходилось бороться за существование, за саму жизнь. И он никогда не терял ни присутствия духа, ни силы воли. Да он смеялся в лицо своим врагам!

«Не человек! – раздраженно подумал ресторатор об ушедшем полицейском. – Черт какой-то!»



Может, позвонить Бобошерову, сказать: так, мол, и так... А лучше вообще честно: «Прости, брат, я тебя немного предал...» Вот тот обрадуется такой честности! Просто счастлив будет. Нельзя звонить. Но что тогда делать?

Некоторое время понадобилось хозяину заведения, чтобы принять решение – никуда он звонить не будет. Пусть все идет так, как идет, своим чередом. Ну, а если менты вдруг даже поймают Бобошерову, он тут будет ни при чем. Он, наоборот, старался, помогал... Это знают все красногорские таджики. И вовсе не его вина, что этот дурак Бобошеров не послушал опытного и умного человека.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.